

Виталий
Останин

A detailed illustration of a woman with long, wavy red hair and blue eyes. She has a small red star-shaped mark on her right cheek. She is wearing a white high-collared blouse with gold trim and a dark blue corset-style bodice with gold buttons. A brown leather belt with gold studs is cinched around her waist. She holds a sword with a wooden hilt and a gold pommel in her left hand, while her right hand rests on her hip. The background is a plain, light brown color.

ВОЛЬНЫЙ ОХОТНИК

ТРЕТИЙ РИМ II

Третий Рим

Виталий Останин

ВОЛЬНЫЙ ОХОТНИК

«Виталий Останин»

2022

Останин В. С.

Вольный охотник / В. С. Останин — «Виталий Останин»,
2022 — (Третий Рим)

Продолжение приключений марочного барона и демоноборца Яна Эссена. На дворе 1857 год. Фигуры расставлены и партия началась. С одной стороны шахматной доски Третья Римская Империя, созданная Иваном Грозным, с другой — силы Ада, спущенные с поводка Владом Цепешем. Люди против демонов, и Падшие уже сделали свой ход. А Ян Эссен едет в Кенигсберг, чтобы принять наследство богатого родственника. Для него это важный шаг, который позволит ему стать более самостоятельным и независимым от Имперской Канцелярии. Превратиться из марочного барона в вольного охотника.

© Останин В. С., 2022

© Виталий Останин, 2022

Содержание

Глава 1. Бабка Ядга	5
Глава 2. Вестница	11
Глава 3. Кенигсберг	16
Интерлюдия	21
Глава 4. Визит	23
Глава 5. Политика	29
Глава 6. Виконтесса	35
Глава 7. Сui bono[12]	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виталий Останин

Вольный охотник

Третий Рим-2

Глава 1. Бабка Ядга

На первый взгляд старуха Яну не понравилась.

Выглядела она как настоящая, хрестоматийная даже, ведьма. Не ведунья-травница, с которыми у рода Эссенов никогда не было столкновений, а именно как закладная – та, что душу свою отдает потусторонним силам в обмен на прижизненное могущество.

При этом впечатления опасной она не производила. Невысокого роста, да еще и сторбленная, с тонкими седыми волосами, убранными под платок, сморщенным в печеное яблоко лицом и крючковатым, похожим на орлиный клюв, носом. Глаза разве что из облика древней старицы выбивались – прятались под мохнатыми бровями, но смотрели на мир ясно и трезво.

Внутри старушки чувствовалась сила. Не злая, от Падших, а человеческая, от характера, выкованная непростым жизненным путем. Но и не добрая. В общем, противоречивое впечатление производила бабушка.

– Ядвига Войцеховна? – уточнил Ян, хотя уже был уверен, что явился по адресу.

– Бабкой Ядгой меня зови, красавчик, – голос старухи звучал как вороний грай. – Все так кличут.

– Как скажете, Ядвига Войцеховна. Вы говорили старосте, что в лесах за вашей деревней что-то злое появилось. Я одаренный...

– Маги тут уже были, – проскрипела бабка. – Только не увидели ничего.

– Из марочных баронов, – закончил молодой человек.

– Ну, это совсем меняет дело! – тут же оживилась его собеседница. – Из марочных, это то что нужно, ваша милость! Марочные Скверну завсегда увидят, не то что эти все городские! А статут у тебя, красавчик, высок ли? Справишься? Не прими за обиду, но молод ты больно.

Ян и не думал обижаться. Он не считал свой возраст – восемнадцать лет – чем-то, что делает его умнее или глупее. Понимал, что в одних вопросах ему не хватает опыта, в других – знаний, а в-третьих – сдержанности. Но это были вещи, которые с течением лет либо исправляются, либо нет.

– Проводите или расскажете? – уточнил он.

– Расскажу, – старуха тут же схватилась рукой за поясницу. – Далековато для меня уже. Не дойду. Но обскажу все в подробностях, не заплутаешь, ваша милость.

На окраине забытого в литовских болотах села Ян оказался по просьбе его старосты, который, прознав, что на постоялом дворе остановился одаренный, сам явился на поклон и ныл до тех пор, пока не получил согласия. Так-то Эссен от цели пути не собирался отклоняться, спешил в Кенигсберг, но история войта его заинтересовала настолько, что он решил задержаться.

Староста поведал, что местная знающая – эта самая бабка Ядга – уже весьма давно настаивает на визите сильного одаренного. Иначе, как она утверждает, в село придет большая беда. При этом ничего конкретного о характере «большой беды» она не сообщала.

Надо полагать, в сельце, название которого Ян даже запоминать не собирался, знающую крепко уважали, раз староста вот так, без конкретики, заявился к проезжему дворянину с просьбой о помощи.

При этом заинтересовало Эссена не само сообщение, а его отправитель. Знающая могла оказаться настоящей закладной ведьмой, рядящейся в одежды знахарки, а значит, марочный барон просто не имел права проехать мимо.

И теперь он стоял, пристально разглядывая старуху и не особенно вслушиваясь в то, что она говорила. Внешне она и правда походила на ведьму, однако приезду охотника на демонов искренне обрадовалась.

– Обскажите, Ядвига Войцеховна, – произнес он, закончив эту игру в гляделки.

От того, что бабка ему сейчас расскажет, зависела ее жизнь. Если Ян поймет, что старуха хочет завести его в глухой лес, чтобы там кто-то, возможно, ждущие в засаде Низшие с ним расправились, он станет говорить с ней совсем по-другому.

– Сразу за моим домом, милоч, лес начинается. Тропка в него ведет ясная, но недалеко – кроме меня, туда никто и не ходит. А я сама, как видишь, уже не особо ходок. На полверсты, может, тянется, вот ровно настолько я за травами еще ходить способна. Дальше уже все поросло за годы, но ты не заплутаешь. Иди по знакам на дубах, я их ножом оставила, еще когда помоложе была. Дурочку одну в обучение взяла, думала ей науку свою передать, ну и наставила знаков, чтобы она в лесу не сгинула, пока ходить по нему не научится. А она взяла, да и под офицера легла, с ним потом и уехала брюхатая.

– Повезло, – без выражения прокомментировал Ян данную историю.

– А то Боже пусть решает, у меня к ней претензий нет. Тут ведь что-то одно нужно в основу брать – либо матку, либо разум. Выбор она сделала. Но ты дальше слушай, ваша милость. Как знаки на деревьях закончатся, сворачивай на север. И прямо, не сворачивая, топай до мядгринды¹. На границе леса и болота увидишь дерево приметное, его много лет назад молния надвое развалила, но не убила. Вот под тем деревом кровь свою пролей, хотя бы каплю, и сойдет к тебе вестница.

– А как же «большая беда»? – вскинул бровь молодой человек. – Вы же старосту уверяли, что всех опасность великая ждет, а теперь про вестницу рассказываете. Что-то не сходится, бабка Ядга.

И немного сместил правую руку ближе к поясу, чтобы сподручнее было выхватить шпагу. На левой и безо всяких приготовлений уже висел конструктор «сети Хагена».

– А вот она, ваша милость, тебе об ней и обскажет все. И, может перестанет ко мне во снах являться. А то ведь я и так старая, сплю плохо, так еще и вестница. Ее это просьба. И ее слова про беду великую. Я лишь должна была найти того, кто придет. Ты не тянись к железке-то своей, милоч. Не закладная я, ученая. С такими, как я, у марочных и даже у Церкви вражды нет.

– Я вижу, кто вы, Ядвига Войцеховна.

– И хорошо. Стало быть, видишь и то, что вреда я тебе не замышляю. Сказано мне было во снах, чтобы нашла одаренного. Пяток уже за несколько лет проходило, а ты первый, кто подходит.

Несколько лет? Ян удивился – войт говорил, что старуха требовала мага давно, но чтобы это годами тянулось? Как-то плохо это укладывалось в голове. И что это за вестница, которая является ведунье в глуши, а прислать просит мага, которые тут раз в два года проезжают?

– Как вы это поняли?

– А толкнулось внутри, вот как. Как ребеночек, которого у меня никогда не было. Стало быть, вестница довольна. Видит тебя, ваша милость. Ждет.

– А те пятеро... Они не поросли ли тут мхом под ближайшей корягой?

¹ Мядгринда (лит) – гать. Настил из земли и дерева поверх топи.

– Что ты! Что ты! – засмеялась-закашляла старуха. – Я душегубством отродясь не занималась! Послушали бабушку Ядгу, посмеялись, да и ушли. Один только по тропке моей прошел, но до дерева не добрался – заплутал. Потом его с местными искали да на свет выводили.

Ян серьезно кивнул. Он уже почти не сомневался, что в лесах его не ждет никакой засады. Испытания – это возможно. Очень может быть, что старушка имела контакты с малыми духами, которых селяне называли лешими, домовыми да овиными. Те и «помогали» заплутать соискателям. Или, что даже более вероятно, сама вестница не желала, чтобы они ее нашли, и путала реальность.

О ее природе юноша догадывался. Скорее всего, ему предстоит столкнуться со святой. Праведницей-отшельницей или мученицей за веру, которая закончила свой жизненный путь где-то в этих местах. Порой – очень редко на самом деле – подобные ей являлись людям, чтобы попытаться отвести беду, спасти и защитить.

«А бабка Ядга непроста! – подумал он про себя. – Иначе с чего бы вестнице выходить на доживающую свой век ведунью, чтобы передать какое-то послание. Похоже на то, что бабка-то была закладной или готовилась ею стать, а потом отвернулась от зла и выбрала путь простого служения людям. К таким святые всегда относятся с особенной приязнью. Палец на то не поставлю, но свой ужин – вполне».

– Хорошо, Ядвига Войцеховна. Пойду я по вашей тропке, поговорю с вашей вестницей, – сказал Ян.

– Спасибо тебе за это, ваша милость, – обозначила негнушейся спиной поклон бабка Ядга. – Только это я – ее, а не она – моя.

Последняя фраза лишь подтвердила догадки барона о связи ведуньи и вестницы. Не иначе как последняя, может быть, даже при жизни еще, спасла Ядвигу Войцеховну от участи стать закладной. И та теперь возвращала долг.

Ян ехал в Кенигсберг, чтобы вступить в наследство. Положить еще один кирпичик в стену своей будущей независимости и возможности охотиться на адских тварей за пределами Марки. История с Адамом Олельковичем показала, что делать это кто-то должен, так почему бы за это не взяться наследнику рода, триста лет стоящего на границе мира людей и демонов?

Возможность эту ему предоставил дядя Богдан. Являясь торговцем, а по совместительству инквизитором Восьмого отделения Имперской Канцелярии, ведомства, занимающегося анализом геополитической активности Преисподней и ее Владык, он тоже был заинтересован в том, чтобы не допустить появления крамолы среди имперского дворянства и аристократии. А возможность такая уже появилась.

По результатам расследования, в которое Богдан Коваль вовлек своего племянника, стало ясно, что правители Ада сменили стратегию. Теперь они меньше полагались на полчища Низших и стали делать ставку на людей. Вовлекать их в сотрудничество, обещая силы и возможности – как это делалось от начала времен. Но теперь Проклятые Герцоги пошли дальше и начали создавать новый вид. Людей, в которых каким-то противоестественным образом подсеяли части сущностей Падших.

Первым таким обнаруженным и был Адам Олелькович. И с него, собственно, и началось сотрудничество юного охотника из Седьмой Марки с дядей-инквизитором. Которое не заладилось с первых же дней.

Как всякий государственный служащий, Коваль желал все и всех контролировать. Родного племянника с племянницей тоже. Он любил их, желал им всяческого добра и заботился, но форма, которую приобретали эти его побуждения, порой выглядела странной в глазах Эссенов.

Для начала брату и сестре не понравилось, что их используют как живые детекторы. Для них организовывали встречи с различными представителями имперской знати, на которых нужно было определить, не «пахнет» ли от кого из приглашенных серой – тысяча извинений! –

Дыханием Скверны. Если это происходило, Эссенев отодвигали в сторону, и в дело вступали инквизиторы. Ян бы не жаловался, если бы те просто истребляли обнаруженных химер² (так их окрестила его сестра София, и все причастные приняли их так именовать), но «восьмерки» поступали совершенно иначе.

Служащие несуществующего официально отделения Имперской Канцелярии не просто оставляли адских выкормышей в живых, но даже не задерживали их. Вместо этого они устанавливали за подозреваемыми наблюдение, оправдывая это тем, что желали выявить их связи и вскрыть таким образом всю сеть.

Ян продержался три месяца. За это время он обнаружил четверых химер. Все они были детьми либо богатых, либо древних аристократических родов в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет. Никакая сеть, разумеется, себя не проявила, что ставило вопрос – а была ли она вообще? Может, слуги Падших действовали автономно и не контактировали друг с другом.

Когда же юноша поднял вопрос перед дядей относительно дальнейшей судьбы проклятых, тот ответил, что пока еще рано о чем-то говорить и «вообще, нельзя же просто всех убивать!» Со слов родича, требовалось изучить явление, чтобы полностью понимать, с чем предстоит столкнуться Третьему Риму.

Аргументы на Эссена не подействовали. Нет, он их понимал и даже принимал, но для анализа требовалось нечто большее, чем наблюдение за химерами. Да и вообще, с точки зрения как Яна, так и Софии, все обнаруженные ими слуги Падших были опасны и изучения заслуживали, только находясь в заточении.

Восьмое же отделение действовало совсем иначе. Как предполагал молодой охотник – опасаясь возбудить влиятельные семейства империи, пока последняя переживала не лучшие времена. Бунтов, хвала Господу, еще не было, но во многих провинциях Третьего Рима тлели очаги недовольства.

На четвертый месяц сотрудничества с «восьмеркой» Ян решил действовать самостоятельно. Для него фактов, свидетельствующих о сотрудничестве с Адом обнаруженных четверых молодых людей, было достаточно, чтобы сделать то, что должно. Вместе с сестрой они запланировали и в течение одной ночи провели казни всех химер. Предъявили Экзархату доказательства того, что убиты были вовсе не невинные люди, прикрылись Правом Охоты, но все равно угодили под расследование и последующий месячный домашний арест.

Коваль рвал и метал. Он желал получить доказательство глобального заговора, чтобы затем провести чистку от Скверны по всей империи, но племянники в очередной раз разрушили его планы. Причем сделали это с максимально невинными лицами и словами: «Ну ты же понимаешь, Богдан, что это требовалось сделать. На счету каждого из казненных были жертвы, как и на Адаме Олельковиче. Их нельзя было оставлять в живых!»

На том сотрудничество Эссенев и Восьмого отделения и закончилось. Коваль вернулся к поиску доказательств уже без помощи племянников, а те – к учебе. Закончили первый курс каждый своего потока, перешли на второй. София на своем потоке возглавила группу девчонок по углубленному курсу фехтования, Ян, в свою очередь, закончил базовое обучение своего единственного пока загонщика – Никиты Кристя.

Началась практика. Уже решивший после Гимназия посвятить свою жизнь охоте вне Марки, Ян гонял сына кузнеца по уже углубленному курсу, превращая неуклюжего, но чудовищно сильного юношу в серьезного боевика. Последний, к слову, практически не ерепенился. Осознал все плюсы сотрудничества с марочным бароном. Даже если по учебе судить, а ведь были и другие преимущества.

² Химера – в древнегреческой мифологии огнедышащее чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи. Смешение чего-то с чем-то, другими словами. София посчитала, что данное определение очень подходит гибриду человека и демона.

Неожиданно для Яна к тренировкам присоединилась и Лиза Казанцева. Некогда девушка делала ставку на удачное замужество в будущем или, на худой конец, на роль содержанки богатого дворянина. Однако и ее история с Оленьковичем, который фактически отдал девчонку на растерзания своим присным, многому научила. Она поняла, что в этом мире только сильный может на что-то претендовать. И с упорством вгрызалась как в учебу, так и в отдельные занятия, которые для них с Никитой проводил Эссен.

Так продолжалось, до тех пор пока Ковалю вновь не потребовалась помощь ищеек. Получив отказ от брата с сестрой, он возвел руки к небесам и спросил, чего же они хотят взамен.

«Возможности убивать слуг Падших!» – ответили те.

А Ян в деталях – он много об этом думал – расписал, как это все можно, с его точки зрения, устроить. Коваль замысловато выругался, сообщил, что это невозможно, и что ни одно имперское ведомство на такие условия не пойдет. Но признал, что рациональное зерно в предложении племянника присутствует, и обещал подумать.

Еще через два месяца он сообщил, что в Кенигсберге умер дальний родич Эссенов, маркиз Штумберг, который оставил все свое наследство Яну. И теперь тому нужно ехать к Балтике, чтобы официально принять волю покойного вместе с поместьем, мануфактурами и весьма существенными сбережениями.

Нужно ли говорить, что Штумберги в родстве с Эссенами если и состояли, то не в более близком, чем все люди в мире, ведущие свою родословную от первых созданных Богом людей? Просто таким образом Имперская Канцелярия решила ответить на запрос Йоханна фон Эссена и обеспечить тому возможность охоты вместе с финансовой независимостью.

План Яна в этом и заключался. Он считал, что, работая вместе с Восьмым отделением, никогда не сможет делать то, что должен. Однако, добавив к своей фамилии дополнительную – фон Штумберг, – станет куда более свободен. Не нужно будет таскаться по с трудом организованным встречам с незнакомыми ему дворянами, сканировать их на предмет Дыхания Скверны, после чего передавать информацию кураторам. Достаточно лишь вращаться в свете, перемещаясь из одной имперской провинции в другую и обнаруживать одержимых, не привлекая внимания к своей деятельности.

Громкое имя, богатство, репутация нувориша, спускающего деньги на увеселения, салоны и приемы, – все это должно было привлечь к Эссену юных дворян, подобно тому, как мотыльки в ночной темноте летят на огонь свечи. К тому же деньги нужны были Яну, чтобы выправить развитие дара сестры, у которой в нем был существенный изъян – перекося, не позволяющей подняться выше Серого Рыцаря.

София была потенциальным святым воином, то есть одаренным, у которой ширина энергетических каналов доминировала над всеми остальными составляющими дара. С одной стороны, это позволяло ей создавать невероятно сильные и разрушительные конструкты, с другой же – не давало возможности преодолеть очередной ранг и стать настоящим охотником.

Исправить это можно было весьма дорогими эликсирами и постоянными занятиями. Первые пока оплачивал дядя – при всей своей родовой гордости Эссены не были глупцами, чтобы отказаться от руки дающей. Но куда проще для Яна было бы, если бы лечение сестры зависело от него, а не от Коваля. Для этого и пригодились бы деньги покойного фон Штумберга.

В обмен Коваль поставил только одно условие – Ян не должен был уничтожать обнаруженных слуг Ада без согласования процедуры с ним. И тщательно протоколировать все возможности казненных им жертв. Юный барон с этим был согласен. Хотя после той ночи, когда они с Софией уничтожили четверых обнаруженных одержимых, в Восьмом отделении его и считали свихнувшимся убийцей, он никогда не отказывался от возможности лучше изучить своего врага.

Поэтому он один отправился в Кенигсберг. И на пути к нему, проезжая безымянную литовскую деревушку, и получил сообщение от старосты, приведшее его к бабке Ядге.

Взлетев в седло флегматичной пегой кобылки, Ян тронул поводья и направил лошадь в глубь мрачного леса. Между покрытыми зеленоватым мхом деревьями, туда, где едва виднелась давным-давно пробитая тропка ведуньи.

Глава 2. Вестница

Ведунья не обманула. Уже через половину версты Яну пришлось спешиться и дальше идти, ведя коня на поводу. Если бы не давно оставленные бабкой Ядгой знаки на деревьях, заплутал бы, как есть заплутал. Но с помощью подсказок молодой человек двигался вперед пусть и не быстро, но уверенно.

Вскоре он вышел к болотам, о которых говорила старуха. Сперва лес изрядно поредел, буреломы уступили место чахлым одиноким деревьям, после чего юноша почувствовал, как земля под ногами стала понемногу проминаться, а затем увидел и саму топь со следами почти полностью утонувшей и сгнившей до состояния трухи гати. Видимо, местные жители сюда не забирались около полувека, найдя другой путь.

Болото было обширно и кишело жизнью. Орала лягушки – у них как раз шел период свадеб. Проскользнула по воде полоса – незнакомой породы змея, скорее всего, кто-то из ужиных. Стая птиц, сформировав правильный клин, патрулировала воздушное пространство, а может, летела на некое место кормежки.

Обнаружилось и «приметное» дерево – черная ольха. Непонятно, как в такой местности мог вымахать такой великан, однако он не только вырос, но еще и выжил, после того как его ствол надвое разбила молния. Все, как и говорила бабка Ядга.

– Кровь, значит, пролить... – пробормотал себе под нос юноша, привязывая коня к стволу чахлой березки, растущей шагах в двадцати от ольхи. – И явится, стало быть, вестница. Ну, давай попробуем, чего ж.

Он аккуратно, пробуя прочность почвы ногой, перед тем как перенести на нее вес тела, приблизился к покалеченному дереву. Вынул кинжал, уколол палец и выдавил каплю крови на комель. Старуха же сказала – хотя бы каплю. Вот вам капля! Большого количества крови, чем необходимо, Ян лишаться не собирался.

Менее знакомому с предметом человеку могло бы показаться, что призыв вестницы кровью очень уж похож на темный ритуал из обширной коллекции таковых у закладных ведьм. Однако Ян совсем не переживал – демоническими обрядами здесь и не пахло. В основе призыва лежал еще ветхозаветный принцип – добровольная жертва. Не кровь имела значение, а готовность человека без понуканий с ней расстаться.

Пару минут ничего не происходило. Капелька крови успела почти исчезнуть, когда ветер, не имеющий ничего общего с естественными потоками воздуха, поднял прошлогодние прелые листья, закружил в причудливом танце и уронил обратно на землю. Оставив после себя фигуру худой до болезненности пожилой женщины в простом сельском наряде. Полупрозрачную – сквозь ее спину и лицо проглядывал ствол разваленного молнией дерева.

Она подняла голову и поймала взгляд юноши. В прямом смысле – поймала. Даже если бы он захотел, оторваться от двух глаз, синих, словно летнее безоблачное небо, уже не смог бы. Синь увеличилась – сперва до размеров ладони, затем большого блюда, а потом и вовсе заняла весь мир Яна.

Схожее ощущение он пережил, когда проходил тестирование в Экзархате. Тогда юноша тоже попал в некое место, не имеющее никакого отношения к пространству и времени, и которому больше всего подходило определение – Великое Ничто. Только в этот раз не было никаких созвездий, возникающих из ниоткуда божественных конструктов, вообще ничего похожего на акт первичного творения. Вместо этого Ничто поглощалось Тьмой. И он, Йоханн фон Эссен, находился на самой границе между полотном, на котором Творец создавал мир, и Хаосом.

Не было никаких слов. Не было посланий, откровений или даже запутанных, но хоть что-то объясняющих предсказаний. Только Упорядоченное, которому лишь предстояло стать материей по плану Всевышнего, абсолютная Тьма, желающая это поглотить и сделать частью

себя, и он. Крохотная песчинка, которую и разглядеть-то было сложно, висящая на границе между ними.

И в то же время было абсолютно ясно, что желает сказать ему вестница. Угроза. Серьезная, смертельная, надвигающаяся отовсюду и грозящая уничтожить все. Весь сотворенный тварный мир.

Как – непонятно. Зачем это показывать рядовому, в общем-то, демоноборцу – неясно. Что он должен делать с этим знанием, общим, без какой-либо конкретики – вообще самый большой вопрос.

С ним Ян и вывалился из бесконечного океана первозданных энергий в мир реальный и привычный. Где обнаружил, что смотрит уже не на призрак праведницы, а на Адама Олельковича. Мертвеца, которого в Ад он отправил лично. Который выглядел на удивление живым и здоровым.

– Барон! – с приторно сладкой улыбкой протянул мертвый княжич. – Какая встреча! Болота, изуродованное дерево и мы с вами, словно последние люди на земле. Да вы романтик, Эссен! Столько символизма!

Учили Яна крепко. Таковую практику, пожалуй, мало кто из обычных одаренных проходит. Вбивали в основном науку убивать и выживать. И добились того, что в критических ситуациях юноша не размышлял и не медлил. Призрак или оживший мертвец – какая разница? На первого есть молитва изгнания, второй, пусть и не без труда, упокаивается простым оружием.

Олелькович еще только заканчивал свою глумливую фразу, а Ян уже активировал «сеть» и бросил ее в противника. Родовой конструкт, сплетенный, как и все эссеновские, сразу из трех стихий, пал на княжича и начал стягиваться. Внешне выглядя, как крупночешуйчатая светящаяся сеть, он предназначался в основном для обездвиживания противника. Правда, предки барона сражались в основном с Низшими демонами, поэтому в их версии начертания «сеть Хагена» еще резала и обугливала плоть.

Одежда на Адаме вспыхнула моментально. Аристократ заорал, одна его рука была прижата к телу, а вторая оказалась между ячейками. Ею он и принялся лупить себя по всему телу, пытаясь сбить огонь. Выглядело все так, словно о контратаке он даже не думал. Полностью сосредоточившись на спасении.

Яна это устраивало, но праздновать победу он посчитал преждевременным. Пока враг жив, даже если и выглядит неопасным, он все равно остается тем, кто способен отправить тебя на досрочную встречу с предками.

Поэтому охотник не стал ждать, пока пламя и сжимающиеся ячейки «сети» убьют противника. Выхватил шпагу и рубанул кончиком клинка по горлу княжича.

Брызнула кровь. Утратив интерес к огню, Олелькович ухватился рукой за разрубленную шею, пытаясь закрыть рану. Захрипел.

Ян отступил на полшага и вновь поднял шпагу. Удерживая ее горизонтально над землей, нацелил острие точно в сердце смертельно раненого врага, но удар нанести не успел.

Пламя, плясавшее на одежде и коже княжича, вдруг взвыло, заревело и разгорелось с еще большей силой. Сам Адам словно превратился в факел, жар, идущий от него, сделался настолько сильным, что барону пришлось отступить назад шага на три. Продолжая держать шпагу нацеленной на противника и активировав второй из своих любимых конструктов – плеть Хель, – Ян наблюдал за метаморфозами, происходящими с Олельковичем.

А тот менялся. Огонь плавил его фигуру, превращая человеческое тело в нечто чуждое, враждебное всему живому. Он стал выше и шире в плечах. Плоть сползла, обнажая сожженное мясо, которое тем не менее бугрилось мышцами. Одна рука разделилась на две, другая превратилась в конечность гигантского жука, ноги сделались монументальными колоннами, заканчивающимися роговыми пластинами с бритвенно-острой кромкой. Из раны, нанесенной Яном, полезли щупальца, создавая вокруг головы княжича шевелящийся воротник.

Только лицо Адама осталось человеческим.

– Барон! – пропело чудовище женским голосом. – Вы просто грубиян! Мы ведь только начали разговаривать!

Возможно, перед Яном находилось не создание из плоти и крови (земной ли, потусторонней – неважно), а мара, посланная с какой-то целью той же вестницей. Может, его и нельзя было убить или изгнать. Но Ян откуда-то знал, на каком-то глубинной уровне, что если он проиграет в этой схватке, то погибнет. По-настоящему. А значит, и сражаться нужно было в полную силу.

То, что было недавно молодым аристократом, резким лягушачьим скачком приблизилось к Эссену. Взмахнуло сдвоенной своей рукой, целясь барону в голову. Одновременно с этим его хитиновая конечность попыталась пронзить юноше сердце.

От обоих ударов Ян увернулся. Умудрился даже полоснуть по одной из рук клинком, оправив на землю сразу несколько пальцев и исторгнув рев из глотки врага. Сразу же сам перешел в контратаку. Взмахнул «плетью», у самого плеча срубая хитиновую конечность, выпадом пробил то, что выглядело похожим на коленный сустав. Снова крутанул кистью, посылая конструкт в лицо Адама, но промахнулся: тварь дернула головой – и горящий болотной зеленью хлыст прошел в пяди слева.

– Вы что же, барон! Убить меня хотите?

На этот раз говорило чудовище голосом Адама. Донельзя возмущенным.

Ян, понимая, что прямо сейчас атаковать тварь не может, тоже решил вступить в диалог.

– По крайней мере, прилагаю для этого усилия.

– Полноте, барон! Вы же видите, что ваши усилия тщетны! Вам не справиться с нами. Мы больше, чем просто тварное тело, неизмеримо больше!

Прошло уже около года, с тех пор как Ян последний раз беседовал с Олельковичем. С еще живым тогда, но уже безумным. С тех пор его душевное состояние ухудшилось. Если это вообще был он – так-то наследник древней аристократической фамилии не говорил о себе во множественном числе.

– Мы? – уточнил Ян. – Имя нам легион³?

Он подозревал, каким будет ответ, но одно дело строить догадки, и совсем другое – услышать его от самого одержимого.

– Вы решили, барон, что имеете дело с обычным одержимым? Напрасно! Мы не они. Таких, как мы, мир еще не видел!

Говоря, демон неторопливо двигался вперед, заставляя Яна понемногу отступать к краю болота. Когда под сапогами земля уже стала не проминаться, а характерным образом хлюпать, охотник чуть изменил направление.

– Подобное бахвальство выдает в вас отсутствие вкуса и ума, – сказал он.

И опять попытался ударить «сетью». Ячей упала на объятую пламенем тварь, но продержалась лишь несколько секунд, после чего сама вспыхнула и истлела. Да, бороться огнем против огня явно не имело смысла.

– О том же говорят и ваши поступки, барон! – ответно съязвил Олелькович. – Пламя перевозданного Хаоса защитит от любых попыток навредить мне вашей охотничьей магией! Но вы все равно продолжаете пытаться, прошу!

– Правда?

Плеть, целившая монстру в голову, в последний момент изменила направление и обвилась вокруг его правой ноги. Рывок – и та стала короче на добрых полметра. А тварь, потеряв равновесие, стала заваливаться набок. Одновременно с этим глотка Адама исторгла многого-

³ Здесь Эссен цитирует Евангелие, сцену, где Иисус обращается к одержимому с вопросом «Кто ты?» Безумец отвечает, что «имя нам легион».

лосый вой, который сообщил Яну, что уверения в непреодолимости первозданного пламени Хаоса магией чрезмерно преувеличены.

Что бы там ни говорил демон, «плеть» ранее без труда отчекрыжила ему хитиновую конечность, так почему бы и с ногой такому не произойти. Насколько Ян понял, защита пламени спасала только от обездвиживающих заклинаний. Или тех, чье время действия длительное. А вот против усовершенствованной Эссенами «водяной плети» не помогала совсем. Что Эссен и продемонстрировал только что.

Получив вторую уже серьезную рану (разрубленная глотка Адама в обличье человека явно в счет не шла), тварь тут же прекратила вести светскую болтовню и бросилась в атаку. Двигалась она, несмотря на полученные повреждения, очень быстро. И умудрялось с такой скоростью орудовать сдвоенной своей рукой, что казалось, будто их у нее с десяток.

Яну пока удавалось уходить от атак Олельковича, лишь один раз пропустив скользящий удар. Куда хуже приходилось от жара, который монстр буквально излучал. Вблизи казалось, от высокой температуры плавятся волосы. Брови сгорели точно. Юноша буквально чувствовал, что лицо его горит огнем, но разорвать дистанцию никак не мог.

– Возмнивший о себе червяк! – ревело чудовище голосом, ничего общего с человеческим не имевшим. Одновременно с этим оно не прекращало наносить удары. – Смертный прах! Ты не выстоишь против меня!

«Плеть» погасла – истекло время активности конструктора. «Сеть» была бесполезна. Шпагой можно было орудовать только на очень близкой дистанции, что приводило к ожогам. В свете этого уверения демона казались довольно обоснованными. Часть разума Яна начала нашептывать ему о необходимости прекратить сражение и попробовать сбежать. Тварь ведь одной ноги по колено лишилось, не сможет угнаться.

Юный охотник отбросил пораженческую мысль и лишь крепче сжал зубы. После чего пошел в контратаку. Закрутил шпагу, непредсказуемо меняя направление ударов, пряча их за финтами и обманными техниками. Пару раз ему даже улыбнулась удача. Один раз, когда клинок отрубил уже изуродованную кисть на одной руке, второй – когда удалось провести колющий в бок монстра.

А потом сильнейший удар сбил его с ног и отправил в недолгий полет. Упал на землю Ян метрах в трех от противника, ощущая себя так, словно во всем теле не осталось ни одной целой косточки. Попытался подняться – ноги отказались слушаться.

– Вот и все! – миловидная головка княжича на торсе монстра вновь заговорила своим голосом. – Вы так храбро сражались, барон! Но все зря, все зря. Каждый, кто бросал мне вызов, умирал.

– Кому это «мне»? – выкашлял вопрос Ян. – Адаму Олельковичу или той твари из Бездны, что нацепила его голову как украшение?

Как ни странно, но этот вопрос поставил врага в тупик. Голова княжича склонилась, обозревая искаженное Скверной тело, губы скривились в узнаваемой брезгливой гримасе, а из глаз выкатились две крупные слезы.

– Как же это? – прошептал уродец. – Джон, Пак, как же это так?

– Да все просто, Адам, – вспотевшей рукой сжимая шпагу и снова пытаясь подняться, произнес охотник. – Ты умер, Адам. Тебя убили. Я тебя убил. Уже давно, больше года назад. Ты даже не загубленная душа, запертая в теле чудовища. Всего лишь воспоминание о ней...

– Ты лжешь! Лжешь! – тут же заорал княжич. – Ты бы со мной не справился! Никто бы со мной не справился! Ты лжешь! Джон, скажи ему, что он лжет! Пак! Лидия!

Не очень понимая, к кому взывает его противник, Ян тем не менее был рад, что это предоставило ему пусть небольшую, но все же передышку. Подняться не получилось, как и восстановить в памяти хотя бы один из израсходованных конструкторов. Сражаться, сидя на зад-

нице, было равнозначно небольшому продлению агонии. Оставалась лишь одна надежда – на третье заклинание из фамильной книги.

Совсем недавно, еще три месяца назад, Ян не мог держать в памяти сразу же три конструкта, хотя номинально и числился Младшим Командором. Но длительные изматывающие тренировки помогли, и он наконец смог справиться и с тремя сложнейшими узорами. Контроль еще оставлял желать лучшего, и в подобных, боевых, условиях охотнику не доводилось выдавать сразу три плетения, но... Все ведь рано или поздно случается впервые, верно?

Если перед ним демон, который когда-то был княжичем Олельковичем, а теперь лишь набор черт и воспоминаний, некогда ему принадлежащих, значит, он должен быть уверен, что его противник может управляться только с двумя конструкторами. Соответственно, для Адама, или кто он там сейчас, применение третьего станет пусть и небольшим, но сюрпризом.

Третье заклинание, содержащееся в памяти Яна, называлось «Копье Густава». Да-да, того самого Густава Дракоборца, знаменитого предка молодого охотника, настоящим дивинитивым копьем которого, хранимым в музее Гимназия, так восхищалась София. Внешний вид конструкта после активации в точности повторял древнее оружие, только был болотно-зеленого цвета и слегка прозрачный.

Его он и метнул в замершего монстра, пытавшегося дозваться своих «джонов» и «паков». Попал удачно, в самую середину широкой груди. От раны в стороны тут же поползли бугрящиеся нарывы, словно что-то живое, например, корни стремительно растущего дерева, искали путь к земле. Адам завопил так, что Ян на пару секунд оглох. Стал раздирать руками грудь, пытаясь вытащить из нее источник страшной боли. Схватиться за тускло светящееся древко он не мог. Один раз попытался и тут же одернул деформированную кисть.

Юноше же как раз хватило этого времени, чтобы наконец подняться на ноги. Медленно, ступая еще очень неуверенно, он приблизился к демону и без затей вогнал ему клинок прямо в лоб.

– Как-то я уже устал тебя убивать, Адам, – произнес он, глядя на раскинувшееся у его ног тело чудовища с белокурой человеческой головой. – Давай обойдемся без третьего раза, ладно?

Несколько секунд, и тело твари стало распадаться на прах и дым. Еще десяток ударов сердца, и на то место, где она только что лежала, указывала лишь примятая болотная трава. Стремительно, к слову сказать, восставшая.

– Я понял, – сказал Ян, подходя к расколотому молнией дереву. – Понял, про какую беду ты говорила, вестница. Адские выкорыши, одним из которых был Адам Олелькович. Демоны и люди одновременно. Химеры. Они настоящая угроза. Я и раньше это понимал, но после твоего... послания... В общем, я понял, что должен делать, и постараюсь не подвести.

Фигура призрачной посланницы не появилась, чтобы подтвердить или опровергнуть слова юноши. Только под сердцем у него что-то толкнулось, каким-то иррациональным знанием давая понять, что он совершенно верно понял весть. Про это же чувство говорила и бабка Ядга.

«Как ребенок толкнулся», – сказала она.

Может, и так. Не мужчине об этом судить.

Друзья! Вы набрали сотню лайков и вот вам внеочередная глава. Продолжайте в том же духе)))

Глава 3. Кенигсберг

К исходу третьего дня второго летнего месяца, называемого по всей империи июлем, но при этом в разных ее провинциях на свой лад, Йоханн фон Эссен въехал в Кенигсберг. Погода в бывшей столице Пруссии была премерзкой – с неба падал даже не дождь, а какая-то водяная взвесь. Спину ломило от целого дня, проведенного в седле, промокший дорожный плащ из добротной, пропитанной жиром кожи давно перестал сдерживать влагу и теперь натирал плечи. Уставшая лошадка, и прежде-то не выглядящая благородным рысаком, едва-едва переставляла ноги.

Стража на южных воротах изучила подорожную юноши и пропустила, не взяв даже положенной платы за въезд – обратила внимание на печать Седьмого отделения. Один из охранников, видя плачевное состояние приезжего, посоветовал ему постоялый двор неподалеку, называемый Shutz, что значило «приют». Ян с благодарностью принял совет, вложил в ладонь мужчины монету достоинством в четверть солида и направил своего «скакуна» по указанному маршруту.

Проехав всего лишь пару кварталов по узким, мощеным камнем улицам, молодой человек добрался до цели своего путешествия, где был принят хозяином заведения, накормлен и уложен спать. Лошадка тоже получила уход после долгой дороги – почти двенадцать дней пути на нее ушло. Засыпая, Ян порадовался, что сумел настоять на том, чтобы ехать одному. Он бы точно вымотался больше, будь с ним сестра, очень желавшая вместе с братом ехать в Кенигсберг.

С утра, вымытый, в свежей одежде, он явился в магистрат, чтобы заявить свои права на наследство покойного родственника. Как сразу выяснилось, никто столь скорого прибытия наследника – всего-то месяц со смерти маркиза! – не ждал. Служащие попытались спихнуть посетителя, отговариваясь неготовностью бумаг, отсутствием сейчас в городе необходимых чинов (только они, ваша милость, документы могут подписать!) и прочими глупостями. Не будь Ян так утомлен дорогой, не повстречай он по пути бабку Ядгу, не сразись он с мороком из прошлого, тогда, может быть, он бы и внял увещеваниям «чернильниц».

Но нынче юноша был серьезно настроен на быстрое разрешение бумажного дела, с тем чтобы поскорее приступить к главной миссии своей жизни. Поэтому, выслушав все отговорки, молча достал из прихваченной с собой папки лист гербовой бумаги и положил его перед столь несерьезно настроенным на работу чиновником.

– Вот, – только и добавил он.

Магистратский клерк бросил на бумагу быстрый взгляд и намеревался уже отвернуться, когда зацепился за характерный оттиск печати с латинской цифрой «семь» в обрамлении лаврового венка. Икнул, побледнел, вскочил на ноги, ушибив в процессе колено о конторку, но, даже не вскрикнув, вылетел из кабинета.

Ян проводил его взглядом, бумагу же убирать не стал, понимая, что той еще следует быть увиденной начальством чиновника, за которым он так резво ускакал.

Так и произошло. Спустя несколько минут в кабинет служащего быстро вкатился дородный мужчина, мгновенно оценил диспозицию и тут же расплылся в угодливой улыбке. Заверил господина барона в том, что дело о наследстве находится на его личном контроле, документы почти полностью готовы, но требуется еще незначительное количество времени на последнюю проверку. Чтобы уже точно комар носа не подточил – выдал он под конец.

А пока же представившийся обер-бургомистром города Гельмутом Бадером чиновник приглашал господина барона в свой кабинет, чтобы провести время не в тягостном ожидании, а в приятной компании одного обер-бургомистра, вина и закусок.

Ян едва заметным наклоном головы сообщил, что принимает данное предложение, и прошептал за господином Бадером.

Сперва он не намеревался прибегать к помощи бумаги, выданной ему дядей «на всякий случай». Собираясь до последнего пребывать в статусе дальнего родственника, на которого обрушилось счастье в виде большого наследства. Однако, столкнувшись с подходом магистратских к делу, решил, что особого урона собственной легенде не нанесет. Может, даже упрочит ее.

В бумаге от «семерок» ничего такого написано не было. Официальный, можно даже сказать, шаблонный текст, сообщавший о том, что подателю сего, а именно барону Йоханну фон Эссену, должно оказать всемерную помощь в его начинаниях. Такие документы не обязательно предъявляли служащие Седьмого отделения Имперской канцелярии, называемой также имперской охранкой. Им могли расплатиться за услугу с обычным (ну ладно, не совсем обычным) штатским или даже продать ему же за неплохие деньги. То есть достать такую «бумажку» было хоть и сложно, но можно. И вполне объяснимо, что человек, собравшийся за наследством в соседнее Великое Княжество, готовый к столкновению с чиновничьей тягомотиной, ею обзавелся.

Документы на наследство доставили в кабинет к обер-бургомистру уже через каких-то два часа. Все это время Ян прекрасно проводил время, выслушивая от чиновника рассказы о царящих в столице Пруссии нравах и с удовольствием отдавая ответной информацией о них же, но в Великом княжестве Польском.

А уже к обеду, став беднее на сотню солидов, ушедших на пошлины, оплату труда стряпчих и обязательный взнос в казну города, Ян въехал на территорию особняка, принадлежащего фон Штумбергам, а теперь ставшего его собственностью.

Усопший «родич», как следовало из полученных бумаг, был неприлично богат. Его предки сделали хорошее состояние на торговле специями и другими заморскими товарами, а последний в роду не только не пустил имущество по ветру, но и изрядно его преумножил. Прожив всю жизнь в одиночестве, как поведал Яну сам Гельмут Бедер, даже бастарда на стороне не прижив, фон Штумберг имел только одну страсть – игру на бирже. Причем он еще и умел это делать, обладая каким-то невероятным чутьем на то, что будет дорожать, а что, напротив, дешеветь.

Зачем приумножать деньги, когда их после смерти некому оставить, Ян не понимал. Зато с воодушевлением разглядывал особняк, выстроенный в форме блок-каре, высотой в три этажа. Одна лишь только эта городская недвижимость оценивалась в триста тысяч солидов, а ведь в активах покойного «дедушки» имелись еще и доходные дома, приносящие прибыль в пределах пятнадцати тысяч по году.

Кроме недвижимости, Эссен стал также владельцем акций, суммарный пассивный доход по которым составлял около пятидесяти тысяч, доли в нескольких торговых и производственных компаниях – еще порядка семидесяти тысяч. Была так же земля, отданная в аренду фермерам – десять тысяч солидов в год. Драгоценности на общую сумму двести сорок семь тысяч, скупленные долги, выплаты по которым, если этим заняться, превышали сотню тысяч. И по мелочи около сорока тысяч можно было наскрести из разных источников.

Было сложно поверить, что все это империя отдала Яну. Точнее, ему было бы сложно поверить, не зная он, что фактическим собственником всех этих активов является Восьмое отделение Имперской канцелярии, а «наследник» лишь выступает распорядителем оных. При этом последний обязан ежегодно отчитываться об эффективности расходования средств, должным образом принимать проверяющих чиновников из министерства финансов и так далее, и так далее.

Для управления имуществом из Киева сейчас неспешно ехал профессиональный эконом, разумеется, тайно состоящий на службе в Восьмом отделении. Он же вез с собой необходимое

количество слуг – всему здешнему персоналу предстояло дать расчет и выпроводить из дома. Пока же послужат они – без них Ян попросту заблудился бы в этом угрюмом, похожем на крепость, здании.

Встречать нового хозяина из особняка вышло всего пять человек – очень немного на такую-то хоромину. Высокий и худой пруссак средних лет в черном с серебром камзоле прошлого века – вероятно, эконом и камергер фон Штумберга, а также глава здешней прислуги. Слева от него, по негласному табелю о рангах, возвышался мастер двора – крупный мужчина весьма почтенного возраста, но все еще крепкий. Он, вероятно, отвечал за все здешнее хозяйство, от починки сломанной дверной ручки до ухода за садом – таковой имелся с левой стороны дома.

За ним стояла женщина с такими габаритами, что никем, кроме как поварихой, она попросту быть не могла. Чуть меньшая размерами фрау являлась, по всей видимости, прачкой, а последняя – сухопарая молодка с угрюмым лошадиным лицом – горничной.

Ян представился и продемонстрировал эконому документы, дающие ему право на владение особняком. Тот назвался Северином Новаковским, взял бумаги и погрузился в их изучение. Спустя минуту кивнул, заверил нового господина в том, что тот видит весь штат слуг, и начал их по очереди представлять.

Эссен не ошибся ни в чьей должности. Мастера двора звали Эрихом Боэром, кухарку – Инге Зигель, прачка оказалась сестрой ее мужа и старой девой – Мари Зигель. А горничная с унылым лицом назвалась Кристой Хаапасало.

После этого короткого знакомства Новаковский предложил свои услуги гида и повел нового владельца по его дому. Позади них, чуть поодаль, шагали и все остальные слуги, чтобы в случае необходимости дать пояснения по вопросам в сфере их ответственности.

Форма особняка представляла собой незамкнутое каре, этакую подкову, если бы она была квадратной с прямыми углами. Разделяли ее домочадцы по крыльям. В господском, самом дальнем от въезда, находилось личное пространство маркиза, который был изрядным домоседом. На первом этаже там имелись столовая, каминный и гимнастический залы. На втором располагалась спальня с туалетными и бытовыми комнатами, галерея, оружейный зал – фон Штумберг был коллекционером холодного оружия, и оценивалось его собрание экспонатов в весьма серьезную сумму.

Третий этаж господского крыла был полностью отдан под работу (или хобби) маркиза. Здесь находились кабинеты его самого и немногочисленных ассистентов (в настоящий момент ждущих решения нового владельца об их статусе), библиотека, архив, защищенная магическими печатями комната для переговоров, а также зал связи. Последний представлял из себя обитую пробкой комнату, внутри которой имелось несколько столов со встроенными модулями связи. Беспольных для Яна и любого другого человека – настроенных на прежнего хозяина.

Левое крыло имело на этаж меньше и предназначалось для проживания слуг. Здесь были их спальни – на втором этаже. А на первом – топочная и прачечная комната, кухня, столовая для слуг, а также многочисленные кладовые и бытовые комнаты.

Правое же, тоже двухэтажное крыло, по плану являлось «гостевым». Но так как прежний хозяин не устраивал приемов, не приглашал гостей – кроме разве что по финансовым вопросам, – оно стояло закрытым и неотапливаемым.

Два передних полукрыла, разомкнутые въездом, были одноэтажными. В каждом из них находилось лишь по одной, но очень большой комнате: Утренняя (слева) и Вечерняя (справа) гостиные. Их Яну показали в первую очередь, сообщив, что предназначены они, по замыслу прежнего хозяина и нанятого им архитектора, для любования восходом и закатом.

Юноша в ответ на этот рассказ с серьезным видом кивнул, как если бы не представлял себе другого назначения данных помещений, про себя же хмыкнул и подумал, что у богатых людей довольно странные причуды.

– Персонала в пять человек вполне достаточно, если вести тихую уединенную жизнь, как покойный маркиз, – выдал в заключение осмотра Северин Новаковский. – Однако же, господин барон, если вы желаете вести светскую жизнь, проводить приемы и принимать гостей, данного числа будет недостаточно. К тому же потребуется серьезный ремонт гостевого крыла, ведь за годы неиспользования он сильно обветшал.

Советы эконома выдавал с готовностью, хотя Ян, как порядочный человек, сразу же сообщил ему, что им предстоит расстаться. Новаковский даже предложил помочь в организации найма рабочих для ремонта, до тех пор пока новый управляющий не придет. Вот что значит профессионал!

В завершение экскурсии нового хозяина накормили ужином, который расторопная фрау Зигель приготовила в промежутках между даваемыми пояснениями по собственной вотчине. Еда была простой, но сытной – тушеные овощи, луковый суп и пласт окорока, обжаренный на сковороде.

Когда посуду унесли, и Ян остался в столовой один, он наконец смог перевести дух. Для первого по приезде дня сделано было немало, однако предстояло еще больше. Для начала нужно было получить доступ к наличности, которая хранилась в местном банке, и перевести на себя счета покойного маркиза и все его платежные обязательства. Следом – заплатить слугам за прошедший месяц, текущий и будущий – вряд ли он сможет заменить их быстро. Юноша и вовсе не менял их, но тут против был, причем категорически, его дядя, считавший, что вопросы личной безопасности начинаются с домашнего персонала.

Стоило бы так же обзавестись каким-то помощником, желательно из местного дворянского общества, который сможет выступить консультантом по вопросам взаимоотношений здешних родов и очередности нанесения обязательных визитов. После чего пошить гардероб, причем это дело, пожалуй, стоит поставить вторым после получения денег и оплаты обязательных расходов. С собой у путника была только одна смена одежды, в которой он ходил сейчас, а дорожную следует отдать прачке. Да и то – в наследство в таком простом платье вступить еще можно, а вот посещать дома аристократов – едва ли.

В общем, остаток дня, до самого отхода ко сну, Ян потратил на составление списка дел. Помог с консультациями эконома, давший советы, как все задуманное устроить побыстрее. Он же предложил использовать заведующего хозяйством, по совместительству кучера, в качестве посыльного и сопровождающего. Завтра, например, он был готов свозить господина в город, чтобы тот мог заказать себе необходимую перемену одежды.

Усталый от непривычной деятельности, молодой человек заснул, едва только улегся в бывшей спальне маркиза. И практически сразу был разбужен вызовом с персонального модуля связи, выданного ему дядей.

– Добрался-устроился? – спросило призрачное лицо Богдана Коваля, висящее над прикроватным столиком. – А докладывать кто будет, голубь ты мой?

Ян действительно обещал по приезде сообщить об этом родичу, числящемуся его куратором от Восьмого отделения Имперской канцелярии. Но закрутился, запамятовал, да и вообще не привык еще к тому, что у него под рукой есть дорожное устройство магической связи, позволяющее связываться с собеседником.

– Докладываю. Добрался и устроился. Документы оформил, в особняк заселился. Завтра приступлю к оформлению финансовых и прочих вопросов, – сообщил он, стараясь не зевнуть.

– По дороге никаких происшествий не было?

Относительно встречи с вестницей и боя с призраком Олельковича Эссен еще ничего не рассказывал. И сейчас задумался – стоит ли? С одной стороны, дядя действительно много для

него делает (хотя и об интересах своего ведомства не забывает), с другой же – формально Ян ему не подчиненный, чтобы бежать с докладом о каждом случае. С третьей – произошедшее на болотах вряд ли малозначительная деталь, на которую можно махнуть рукой и «забыть» рассказать. Ну и наконец с четвертой – а относятся ли подобные мистические дела к сфере интересов старшего инквизитора-аналитика.

За секунду решив, что молчать не стоит и да – дело важное, юноша сухим канцелярским языком поведал о случае в болотах. От услышанного лицо собеседника, насколько это возможно при магической связи, оживилось.

– Святая? – уточнил он в конце.

– Может, мученица. Не знаю, Богдан. Лица не видел, сиянием освящен не был, а потом и Адам появился, не до гляделок стало. После боя раны, все, что демон нанес, исцелились, как не было. Так что вывод можно делать и такой, и такой – то ли морок, то ли исцеление.

– А старуха та? Ядвига, правильно? У нее не уточнял?

– Отошла бабка Ядга. Как с болот вернулся, так и нашел ее в доме.

– Исполнила, стало быть...

– Похоже на то. Сколько лет жила, чтобы весточку передать.

– Тогда больше мученица. Я подниму архивы, посмотрю, кто у нас так жил и преставился, что сразу к Господу.

Яну все эти тонкости о статусе явившейся к нему были неинтересны, но в поддержание разговора он кивнул. Затем вспомнил, что по колеблющемуся изображению лица дядя может этого и не увидеть, и добавил:

– Хорошо.

– А по самому посланию что думаешь?

Опытный аналитик уже сам сделал все выводы, но хотел, чтобы воспитанник их озвучил.

– А что там думать, Богдан? Вестница сказала об угрозе. О большой беде, если словами бабки Ядги. А потом появляется Олелькович, который, мало того что мертв, так еще и демон не из Низших. Тут одно с другим состроить несложно. О химерах была весть. Так что, в правильном мы направлении думаем. И делаем.

Закончил Ян дополнительным указанием на то, что его план по превращению охотника в приманку гораздо лучше действий Восьмого отделения. Дядька хохотнул, уловив намек.

– Ну, это мы еще посмотрим! Затея интересная, но может и пшиком обернуться. Почему знаешь, что в Кенигсберге есть такие выродки?

– Если нет, поеду по крупным городам. Столицы княжеств, губернские центры – туда, где свет крутится.

– Отчитываться не забывай.

– Как только разберусь со всем и налажу быт – сразу начну. София как?

– К тебе просится. Сдала экстерном экзамены за триместр, говорит, во Львове ее ничего не держит. Примешь сестру-то?

– Недельку мне дай. Надо обустроиться.

– Да, девиц в неустроенность пускать нельзя, – согласился инквизитор. Построжел голосом и добавил: – С письменным отчетом не тяни. День, много – два. И отправляй по ведомству. Связь связью, а документация должна быть в порядке. На случай, если пойдут вопросы по растратам.

– Сделаю.

Интерлюдия

Комнату заволокло ослепительной тьмой в один миг. Только что это было помещение, которое вдруг превратилось в бесконечное пространство. Исчезли стены, окна, дверь – все. В бескрайней изначальной тьме не было таких понятий. Но миг спустя они появились. Да еще как! То, что, казалось, не имело конца и края, сжалось до самой крохотной каморки под лестницей, из тех, что только возможно вообразить.

Дыхание хозяина комнаты замерло, ему показалось, что тьма пожрала даже воздух.

– Ты уверен? – со всех сторон на него обрушился голос.

Он мог принадлежать и мужчине, и женщине. В нем неуловимым образом сплетались сила и нега. Несгибаемая воля и бархатная мягкость. Чистота настолько потрясающая, что казалась неестественной. Такие, говорят, были у кастрированных мальчиков, которым католлики уродовали естество, чтобы сохранить ангельские голоса.

Тот, кто задал вопрос, знал, что у ангелов голоса совсем другие. Способные содрать кожу и мясо с костей одним только шепотом. Да и хозяин комнаты об этом знал. От гостя.

– Да. Это он. Ошибки быть не может. Как ты и говорил, господин.

В отличие от первого, второй говорящий явно принадлежал к мужскому полу. К немоллодым его представителям. Лет, может быть, пятьдесят-шестьдесят. Так и рисовался грузный шатен с упрямым подбородком, чуть скошенным лбом и поджатыми губами. И животиком, обтянутым какой-нибудь недешевой тканью. У владельца такого голоса просто обязан быть животик.

Разглядеть, правда, нельзя было ни одного, ни другого. Тьма не давала ничего, за что можно было зацепиться глазу. При этом Первого отсутствие видимости ничуть не смущало – он прекрасно ориентировался и, кажется, постоянно перемещался. Второй же с появлением тьмы старался не двигаться, опасаясь налететь на что-то невидимое или вовсе провалиться в дыру в полу. Единственное, он не был уверен, что теперь здесь имелся пол.

– Ах-х. Не ко времени, – с сожалением выдохнул Первый. – Я рассчитывал, что у нас больше времени. Как странно, верно? С одной стороны, нам известно, что времени не существует, с другой – его постоянно не хватает. Парадокс!

– Господин?

– Ах-х, не напрягай свой крошечный мозг, мой милый! Я говорил сам с собой.

– Кхм... Что нам делать? Я имею в виду, в свете появления этого...

– А что мы делаем, когда встречаем препятствие на пути, мой сладкий?

Второй некоторое время молчал, подбирая правильный ответ. Он знал, что, несмотря на мягкость и даже ласковость голоса гостя, тот скор на расправу.

– Уничтожаем ее? – предположил он наконец.

– Ах-х, ну какой же ты умненький мальчик! Славный, сладкий, умненький мальчик! – голос Первого кружил над Вторым, словно обнимая его тысячей рук. – Ты так долго, так верно служил мне. послужи еще, хорошо? Сделай так, чтобы мы больше не слышали этого имени. Сделаешь это для меня, мой милый?

В какой-то миг тьма сменилась еще более непроглядным светом. И в нем, прямо напротив своего лица, Второй увидел лицо неземной красоты. Не мужское, не женское – совершенное. Невесомая и столько же прекрасная ладонь огладила выступающий животик немоллодого мужчины.

– Сделаешь? – шепнули влажные губы, приблизившись к лицу собеседника так, что могли бы обжечь дыханием. Но не обожгли. По причине отсутствия дыхания.

– Конечно! Я сделаю все, что ты пожелаешь, господин! Ты знаешь, что у тебя нет более верного слуги!

– Ах-х, это верно! Это очень верно, мой славный мальчик! Расскажи, что еще заставило тебя воззвать ко мне? Только ли появление этого охотника? Сюда, знаешь ли, не так легко приходиться. Даже несмотря на все твои старания!

– Только это! – твердо отвечал Второй. – Ты велел оповестить, если этот человек появится в поле моего зрения. И я тут же сделал это!

– Не считаешь с затратами? Так мило! – можно было представить, как Первый складывает руки под подбородком и умиленно улыбается. – Ну, полно, ты совсем меня растрогал! Как там наше дитя?

– Входит в силу, господин! Желает увидеть?..

– Нет. Еще рано. Береги! Если нужно – пусть сгорит все, но дитя спасется!

– Конечно!

Но последние слова Второго уже никто не услышал. Тьма мигнула и пропала. Оставив после себя небольшую комнату, посреди которой возле алтаря стоял и тяжело дышал пожилой мужчина.

– Прибери здесь! – властно приказал он, распахивая тяжелую дверь и отходя в сторону.

Внутри тут же вошел грузный мужчина в некогда черном, а теперь сером балахоне. На глазах его была плотная повязка, а выбритый череп демонстрировал множество уродливых шрамов. Не говоря ни слова, он приблизился к алтарю, немного повозился с веревками, после чего подхватил изуродованное тело молодой женщины и направился к выходу.

А Второй, дождавшись, когда слуга выйдет, бессильно опустился на пол. Ритуал воззвания не требовал много сил. Зато методы, позволяющие обойти сторожевые модумы Экзархата, отнимали их в огромном количестве. Не говоря уже о расходных материалах.

– И как мне это сделать? – произнес он в задумчивости. – Чай не мещанина прихлопнуть! Марочный барон, положим, тоже не огромная величина, но ведь за ним стоит Четвертое отделение. Разбойники? Ограбление? Надо хорошенько все обдумать...

Глава 4. Визит

Обустройство на новом месте у наследника маркиза Штумберга заняло куда больше времени, чем предполагаемая неделя. На самом деле прошло пятнадцать дней до того момента, когда Ян смог с уверенностью сказать – ну все, теперь можно браться за дело. Наследство было полностью переведено на нового владельца, управляющий от «восьмерок» прибыл в Кенигсберг и полностью обновил состав слуг, взяв на себя также управление финансами, а гардероб Эссена вырос до семи комплектов на все случаи жизни.

К исходу второй недели приехала и София. Как выяснилось, не одна. С собой юная баронесса взяла еще двух человек: Никиту Кристя, ставшего уже почти официальным загонщиком ее старшего брата, и Лизу Казанцеву, которая только претендовала на данное звание.

После истории с Оленьковичем, когда Ян взял девушку под свое покровительство, сестра уверилась, что у них роман. Позже, убедившись в том, что никаких чувств он к Лизе не испытывал, а лишь использовал ее, чтобы подобраться к противнику, София вдруг решила, что должна позаботиться о счастье своего «самого лучшего», но «глуповатого, как все мужчины» старшего брата. И принялась девушку всячески привечать.

Та, впрочем, была совсем не против. Более того, осознав свою уязвимость, принялась с удивительным упорством заниматься учебой, а потом и вовсе попросилась в ученики к Эссенам. София взялась учить мешчанку фехтованию, Ян – работе с конструктами. Даже Никита поучаствовал в обучении, показав парочку хитрых приемов рукопашного боя, которым научился на улицах.

За сравнительно небольшой срок бывшая содержанка, разумеется, не стала опытным бойцом, но все же обрела кое-какие навыки, позволяющие ей находиться в команде марочного барона. И, насколько Ян знал из рассказов сестры, не оставляла надежды однажды растопить ледяное сердце своего наставника. Либо малолетняя сводня выдавала желаемое за действительное.

Другими словами, в Кенигсберг прибыл настоящий десант. Не вполне, кроме, пожалуй, Софии, понимающий, зачем ехать в этот сумрачный прусский город, но полный предвкушений новых свершений. Жизнь рядом с Эссенами показала, что может быть любой, но никоим образом не скучной.

Сестра привезла с собой письмо от Богдана, что сразу же Яна напрягло. С дядей он почти каждый вечер связывался через служебный модум и поэтому не понимал, зачем было использовать для передачи информации такой устаревший способ. Разве что – документация...

Запечатанный сургучом конверт действительно содержал в себе документы. Точнее, положение о ежегодном турнире, который проводился между учебными заведениями Великих княжеств. В этом году, точнее, уже в начале осени, четвертьфинальный отборочный тур должен был состояться на площадке Кенигсбергского Гимназия. Яну, Софии и Лизе предлагалось стать представителями Львовского.

Здесь же находилась приписка от дяди, сообщавшая, что претор Гимназия таким нехитрым образом решил убить двух зайцев. Дескать, зачем нести расходы на командирование слушателей в далекий прусский город, если они там уже находятся, причем за свой счет? Тем более, если они намерены тамошним преподавателям сдавать экзамены по текущим дисциплинам. Вот и совместят полезное для себя с полезным для альма-матер!

В своей записке Богдан Коваль также сообщал, что победы от них никто не ждет, и что отказаться от сомнительной привилегии защищать честь родного Гимназия не получится – претор заявлял, что в противном случае он будет рассматривать Эссенов и их команду как злостных нарушителей дисциплины, без уважительной причины прогуливающих занятия.

А еще он выражал надежду – так и писал: «выражаю надежду» – что племянник его сцен по данному поводу устраивать не будет и примет случившееся с надлежащим смирением. Иначе злостным нарушителем дисциплины его будет считать уже он – старший инквизитор Восьмого отделения Имперской канцелярии.

Наскоро пробежав глазами Положение о турнире, Ян пришел к заключению, что задача представлять Львовский Гимнасий не является чем-то совсем уж сложным. Тем более, если задачи победить и пройти в четвертьфинал не стоит. Да, придется, конечно, подготовиться, потратить какое-то количество времени на специфические тренировки, но не сейчас и даже не завтра.

Поэтому порученное дело можно было отложить и сосредоточиться на текущих. Кивнув своим мыслям, Ян первым делом устроил для команды инструктаж, на котором рассказал, что, собственно, собирается делать. Никита, выслушав, лишь кивнул и уточнил по экзаменам в Гимнасии, мол, в середине августа завершался второй курс, а им еще проходные предметы сдавать. Лиза осторожно поинтересовалась будущим, а именно, значит ли то, что они работают с Эссенами, вхождение в дом на положении служащих. А София, всплеснув руками, заявила, что она не может принять в этом участия, поскольку ей совершенно нечего надеть для выхода в свет.

– Экзамены будем сдавать в местном Гимнасии, договоренность об этом уже есть, – ответил Ян кузнецу. Повернулся к Лизе. – Да, если вы этого хотите. Можем подписать договоры и поставить вас на жалование, как загонщиков.

– Большое жалование-то?

– Сотня солидов в месяц и полный пансион. Призовые выплаты по боевым операциям обсудим позже, когда станет понятно, с чем мы имеем дело здесь. И есть ли тут дело.

Никита с Лизой переглянулись и одновременно кивнули. Жалование и правда было приличным, а с учетом призовых так и вовсе прекрасным. Конечно, в случае схватки с демонами или их приспешниками существовал риск не дожить до их получения, но кто в восемнадцать лет думает о смерти?

– Мы согласны! – одновременно сообщили загонщики.

– А что по моему вопросу? – уточнила София.

– А это был вопрос? – рассмеялся Ян.

Он положил на столик между ними небольшой кошель и пару листов бумаги.

– Здесь адреса портных в городе. На имя маркиза Штумберга там открыт кредит. Берите кучера и езжайте, обновляйте гардероб. Наличные на расходы и аксессуары. Драгоценности не покупай, у нашего покойного «дедушки» оказалась неплохая коллекция женских украшений. Не ношенных, кстати, он их рассматривал как вложение.

Младшая сестра царственно кивнула, принимая деньги и записки, но долго удержать эту маску не смогла. Уже через секунду она висела на шее у брата, сообщая ему, какой он молодец. Открытый кредит у нескольких портных, наличные на расходы, кучер и предстоящий осмотр драгоценностей – что может больше порадовать почти шестнадцатилетнюю девчонку?

– Лиза, Никита, мы едем тратить деньги! – сообщила она чуть позже. И, заметив кислое лицо сына кузнеца, добавила: – Даже не спорь! Теперь ты представляешь Эссенов, а значит, должен выглядеть не просто прилично, а великолепно.

Кристя с тоской вздохнул, бросил полный надежды взгляд на своего сюзерена, но, не найдя в нем поддержки, поднялся и поплелся вслед за приплясывающей на ходу баронессой.

Ян же, сохраняя серьезное выражение лица, но внутренне над ситуацией посмеиваясь, принялся разбирать корреспонденцию. В последние дни ее стало особенно много. Высшее общество Кенигсберга знало о прибытии наследника маркиза-затворника чуть ли не с первого дня, но выжидало приличествующий срок. Который, вероятно, наступил, так как к секретарю

барона – а новый управляющий ввел и эту должность – стали стекаться приглашения от местных аристократов и дворян побогаче.

Одни звали на обед, другие на ужин, третьи сообщали, что «такого-то числа состоится салон в таком-то доме, где будут рады видеть господина маркиза». Именно маркиза, поскольку несколько дней назад Ян таки вступил в полное наследование титула, принесся в новом статусе присягу императору.

Кроме того, тот же секретарь, молодой человек насквозь писарского вида по имени Петер Хейнц, собирал данные о происходящих в городе светских событиях и представлял списком своему нанимателю с пометками. Мол, вот этот прием обязательно стоит посетить, так же важно побывать на гуляниях по парку в Альтштадте, и уж конечно, никак нельзя пропустить ярмарку лошадей, проходящую в Ангере⁴. Все эти мероприятия посещались важными людьми, с которыми стоило бы свести знакомство.

Закончив с этим делом, Ян собрался было пойти в гимнастический зал и немного поработать над контролем, но перед самым входом его перехватил управляющий Штепан Марек. Негласный сотрудник «восьмерки», как уже говорилось, ведал всеми финансовыми вопросами, и сейчас явился для обсуждения сметы ремонта гостевого крыла.

– Не уверен, что ведомство, – так он всегда называл свое место службы, – примет подобные траты как обоснованные. Они ведь будут пущены на обустройство поместья, в чем можно увидеть коррупцию. К тому же суммы, потребные для приведения крыла в должный вид, требуются совсем уж огромные.

– У нас нет столько денег? – уточнил юноша, возвращаясь за стол и знаком указывая на кресло управляющему.

– У ВАС есть деньги, – поправил хозяина господин Марек. – И бюджет ВАШ выдержит такие траты без труда. Я лишь говорю о том, как это может быть воспринято. Вы же понимаете, господин барон, как неоднозначно в ряде кабинетов приняли ваш план? Там только и ждут такой вот статьи расходов, чтобы тут же обвинить кураторов в растрате, а проект прикрыть.

Ян кивнул. Если раньше не понимал, то до него это донесли весьма доходчиво.

– К тому же, – продолжил управляющий, – ваша милость не может гарантировать того, что в Кенигсберге окажутся удовлетворяющие критериям поиска объекты. И вам придется переезжать в другой город империи. Тогда расходы на ремонт гостевого крыла станут выглядеть неоправданными и для тех, кто ваш план поддерживает.

Переводя сказанное с казенно-увертливого языка госслужащего на простой – сперва докажи, что тебе не напрасно такой бюджет выделили, а уж потом поговорим о том, как ты его будешь тратить. Ян снова кивнул, на этот раз признавая справедливость требования.

– Но начать-то мы можем? – спросил он. – Обозначить для интересующихся, что в поместье полным ходом идет ремонт, новый маркиз собирается распушить хвост и потряхнуть мощной. Это важно для плана, так меня будут правильно воспринимать.

– Начать, да. – Господин Марек принялся что-то быстро писать на листе бумаги, уложенном поверх толстой кожаной папки. – Скажем, я могу пригласить рабочих, обсудить с ними перечень работ, запустить их, после чего начать переносить сроки и задерживать финансирование. Крыло застынет в лесах, внутри получится полный раздрай, но для общества все будет выглядеть так, будто новый владелец всерьез занялся приведением в достойный вид своего поместья.

– И на это потребуется?..

– Ох, сущие мелочи, ваша милость! Три-четыре тысячи солидов, даже говорить не о чем! Затянуть можем месяца на три-четыре, дольше – сложнее. Рабочие тоже люди, и они будут болтать.

⁴ Альтштадт и Ангер – старые районы Кенигсберга. Старый город и выгон, соответственно.

Ян постарался незаметно сглотнуть. Только сейчас он начал осознавать масштаб того, что сам же и заварил. Подумать только – три-четыре тысячи солидов – это, оказывается, мелочь, не стоящая упоминания! На эту сумму Эссены в Марке могли бы прожить год! Во Львове они с сестрой полгода ни в чем бы себе не отказывали. А он еще переживал, что загонщикам такое большое жалование предложил! Да в ту сторону никто и не взглянет из-за незначительности!

– Хорошо. Давайте так и поступим, господин Марек. Начинаем ремонт и тянем его, сколько это возможно. Сам же я тем временем начну посещать дома аристократов, которые прислали приглашения.

– Замечательно! – управляющий поднялся и направился к выходу. – Единственное, ваша милость, замечание. Прошу вас отнестись к рекомендациям вашего секретаря со всей серьезностью. Как в отношении посещения открытых мероприятий, так и в очередности нанесения визитов вежливости. Петер Хейнц – очень толковый молодой человек, обладающий недюжинными познаниями в геральдике. Он очень много может вам рассказать о том, чем примечательны те семьи, к которым вы собираетесь в гости. А также о их связях с другими аристократическими родами.

Ян и не думал игнорировать наработки секретаря – в конце концов зачем нанимать человека, платить ему деньги, а потом не использовать его самого или даваемые им советы? Попрощался с управляющим и направился-таки в гимнастический зал. Где провел пару часов, занимаясь в основном оттачиванием контроля с третьим конструктором в памяти.

По завершении в одиночестве поужинал – бравая команда, возглавляемая Софией, еще не вернулась из города с покупками. Переоделся, попутно велел кучеру подготовить к выезду одно из трех шикарных ландо⁵, и отправился в гости.

На вечер он планировал посетить два, максимум три дома из списка секретаря. Те, естественно, прислали приглашения. Вообще, сообразно этикету, начинать такого рода визиты требовалось от высшего к низшему. То есть со двора его высочества курфюрста⁶ Прусского Фридриха Вильгельма VI, куда новоявленного маркиза, понятное дело, никто не звал. И уже потом «спускаться» ко всяким герцогам, графам и баронам.

На деле же правящий дом делал вид, что не знает о новом маркизе – это тоже относилось к правилам хорошего тона. Вновь пребывшему предстояло сперва разогреть интерес высшего общества, так сказать, показать товар лицом. Повстречаться с кем-то не слишком значительным, а уж потом, если это покажется приличным, с кем повыше. И только после рекомендаций нижестоящих дворян в адрес Эссена могло поступить приглашение от великокняжеского рода.

Поэтому первым домом, который Ян решил посетить без сестры, стало городское поместье графа Хельмута фон Мольтке. Выбор принадлежал, естественно, секретарю, который снабдил каждую фамилию в списке сопроводительными комментариями с пояснениями. Из них следовало, что древний дворянский род из Макленбурга ныне переживает не лучшие времена, для поправления которых оставил свои земли и перебрался в столицу Великого княжества в надежде пристроить юную поросль и обзавестись какой-никакой придворной должностью.

У графа Хельмута фон Мольтке было трое детей: мальчики двенадцати и восемнадцати лет, а также пятнадцатилетняя девица, уже этой осенью выводимая в свет. Обязательное наличие отпрысков подходящего возраста Ян озвучил секретарю еще на стадии формирования списка.

Поместье Мольтке – скорее даже городской дом – являло собой компромисс между нуждой и приличиями. Всего два этажа господского жилья и три надворных постройки, одна из которых явно была конюшней. Две других находились за домом, и их Ян не смог идентифици-

⁵ Четырехместная коляска на конной тяге.

⁶ Курфюрст – дословно «князь-выборщик».

ровать. Располагались они на крохотном земельном участке, меньше половины осьминника⁷, отчего выглядели так, словно напоззали друг на друга.

Но при этом наличествовал небольшой сад, узенький выезд для коляски и даже непременный атрибут всякого прусского дворянского дома – будка привратника, окрашенная в черный и белый цвета.

Ян оставил коляску у входа, велел привратнику доложить о визите и был препровожден в дом. Там его оставили в гостиной, куда через минуту спустился и сам граф с супругой.

– Йоханн фон Эссен, маркиз Штумберг, – представился молодой человек, коротко поклонившись хозяевам. – Прибыл засвидетельствовать свое почтение по приглашению.

И протянул конверт с оным, который тут же забрал незаметно появившийся слуга.

– Очень рады с вами познакомиться! – произнес Хельмут фон Мольтке, после того как назвал сам и представил свою супругу, Августу. – И польщен, что вы выбрались к нам первым. Последние две недели в городе только о вас и говорят.

На то Ян (точнее, его секретарь) и рассчитывал. Граф Хельмут не обладал большим весом в столице княжества, однако интерес, который общество испытывало к новоявленному маркизу, был нешуточным. Он же пришел к Мольтке первому. Теперь тем, кто желал удовлетворить свое любопытство, придется проситься в гости к графу, чтобы за чаем или вином обсудить новое лицо. Что сделает хозяина дома более востребованным и откроет прежде закрытые двери. Этакое предложение союзнических намерений, если перевести все эти реверансы высшего света на простой язык.

– Я тут человек новый, особенно в традициях не разбираюсь, поэтому поступил просто – кто первый прислал приглашение, к тому и пошел, – с легкой улыбкой сообщил Ян.

Слуги подали напитки, граф с графиней уселись, гость тоже опустился в массивное кресло. Потек традиционный, мало что значащий разговор. Погода, урожай, цены на разные товары, вопросы о впечатлениях маркиза о Кенигсберге. Ян отвечал коротко, так как вести подобные беседы был не слишком обучен, ждал приглашения на ужин и рассматривал хозяев.

Граф был чуточку полноватым мужчиной лет сорока пяти, с выправкой военного и лицом выпивохи и сибарита. Держался просто, постоянно порывался велеть подать аперитивы, но каждый раз сталкивался со взглядом супруги и резко замолкал.

Графиня тоже выглядела как классическая пруссачка, то есть худая, немного костлявая женщина с длинным лицом адепки истинной веры и тонкими губами, всегда готовыми сложиться в осуждающую гримаску. Вела разговор в большей степени она, графу же дозволялось лишь изредка вставлять реплики.

Разумеется, были затронуты и вопросы происхождения Эссена. Хозяйка, точнее, хозяйка, явно подготовилась и навела справки о госте. Понимая, что перед ними сидит настоящий марочный барон – диковина для этих мест, – она с самым серьезным видом засыпала его вопросами. Был ли он за Пеленой? Сражался ли со слугами Нечистого? Что, по его мнению, ждет империю дальше?

На этот случай у Яна была заготовлена легенда. Мол, да, за Пеленой был, но в юном возрасте, мало что помню. Родители погибли именно в Геенне, а их забрал к себе родич по материнской линии во Львов, где они с сестрой все это время и жили. Нет, демонов не видел, а если и видел, то был мал и не запомнил. Чего ждать от Высших, не представляет, так как сфера его интересов находится в области финансов, а не борьбы с Адом.

Ответы хозяйке не удовлетворили, зато она перестала сыпать вопросами и ожидаемо поджала губы. Зато оживился граф.

– Вы же из рейнских Эссенов? – уточнил он.

⁷ Осьминник – мера площади до введения метрической системы, в переводе на которую получается около 27 соток. «Меньше половины осьминника» – что-то около 10–12 соток. То есть очень мало для графа.

– Да, одна из ветвей, – ответил молодой человек.

– Надо полагать, ваши почтенные предки участвовали в Очистительном Походе?

– Собственно, это и привело их в марку на границе Великого княжества Польского, – чуть улыбнулся Ян.

Граф с понимающим видом покивал.

– Да уж, в те времена многие древние роды покинули земли предков...

– По воле Господа нашего Иисуса Христа, – тут же встала графиня.

– Конечно, – с видом человека, вкусившего лимона, согласился с ней супруг.

– Каждому было уготовано служение во имя Спасителя. Но многие отвергли его, посчитав, что другие сделают то, к чему были предопределены они! – продолжила хозяйка, явно усаживаясь на любимого конька.

– Не пора ли нам ужинать? – не растерялся фон Мольтке. – А то ведь невежливо как-то столь долго держать гостя голодным.

Ян заверил, что разговор его совсем не тяготит, сам же сделал пометку, что графиня Августа, определенно, относится к категории воинствующих христиан. С одной стороны, это было даже неплохо, поскольку практически исключало появление химер и одержимых в ее семье, с другой же – подобных людей юноша с трудом мог терпеть. Больше ханжеского благочестия, нежели истинной веры, так он считал.

Тем не менее на ужин он согласился. Собственно, ради этого и планировался визит, ведь к столу должны были спуститься и дети фон Мольтке.

Глава 5. Политика

Ян был не самым опытным охотником, но знал об основной добродетели – терпении. Поэтому он ни на секунду не расстроился, когда выяснил, что младшее поколение Мольтке не имеет к Аду никакого отношения. В конце концов, не могла же первая вылазка сразу же быть удачной? Так-то могла, конечно...

Графские дети оказались... совершенно обычными. Двенадцатилетний Тиль с любопытством смотрел на гостя, но явно робел в его присутствии и все больше молчал. Его старший брат Клаус, слушатель Кенигсбергского юридического училища, напротив, постоянно высказывался, пытаясь произвести впечатление взрослого и самостоятельного человека. Пятнадцатилетняя Эрна, практически ровесница Софии, к месту и не к месту краснела, не забывая бросать на Эссена кокетливые взгляды.

Ко всему прочему, все трое были ординарами, то есть полностью лишены даже крох магического контроля. Когда Ян это понял, он уже без всякого смущения, зная, что никто этого нарушения правил не заметит, оглядел семейство Мольтке «взором» и заметил лишь слабую циркуляцию виты. После чего ему стало окончательно ясно, почему столь древний род в высшем обществе столицы княжества так слабо котируется.

Такое случалось чаще, чем благородное сословие желало бы признавать. Причины того, что в старых семьях, чьи основатели владели магией, вдруг рождались ординары, подробнейшим образом изучались, но однозначных выводов сделать никто не мог. Бывало, что в семьях могло два поколения смениться, не прикасаясь к магии, а потом вдруг раз – и Супрем! Но больше, конечно, случаев было, когда угасшая искра более не разгоралась.

В некотором роде Яну было жаль Мольтке. Не сказать, что он проникся к ним симпатией, но представлял, как тяжело приходится семейству. В дворянском-то обществе, где друзей нет и быть не может – одни лишь временные союзы. Да еще и с таким грузом, как древний и славный магами род. Таких поколение за поколением отодвигают в сторонку, не давая возможности выгодно служить. Плюс породниться с такими мало кто желал, разве что нувориши с деньгами.

Скорее всего, Хельмут фон Мольтке это прекрасно понимал. Вот и сделал ставку «на все», набрав кредитов и поселившись в столице Великого княжества. Хоть таким вот способом, но остаться на плаву. А там, глядишь, и возможность какая подвернется.

Проведя еще около часа за столом, новоявленный маркиз стал собираться. Правда, сразу уйти не удалось – глава семейства пригласил гостя в кабинет на бокал «настоящего шотландского скотча». Пришлось сидеть, смаковать этот не лучшего качества самогон и слушать рассуждения графа о политике.

– Думайте что хотите, маркиз, но я уверен – Пруссия сегодня является островком стабильности и спокойствия во всей империи! – заявил фон Мольтке буквально после второго глотка. – Всюду рушатся устои, продажные политики пытаются разорвать страну на части, и только мы, пруссаки, продолжаем верно служить венцу. И, кстати сказать, выпальваем инакомыслие нещадно! На наших землях никогда не случится ни Пражского Манифеста, ни Венской Весны!

Граф Хельмут говорил о двух событиях, буквально потрясших страну. Первое – Пражский Манифест – произошло уже около двух лет назад, но оставило после себя уродливый шрам на обществе, говорящий, что как прежде уже никогда не будет. Полторы сотни студентов Пражского университета, одного из старейших в Европе, вышли на центральную городскую площадь, облились керосином, активировали обезболивающие целительские конструкты, подожгли себя и принялись хором зачитывать Манифест – сборник того, что должна сделать империя, чтобы спастись от упадка.

Молодые идеалисты погибли все до единого, и некоторое время общество было убеждено, что сделали они это по велению сердца. Однако расследование, проведенное Седьмым отделением Имперской канцелярии, недвусмысленно указывало на отличную организацию. И вскоре были обнаружены доказательства того, что студентов готовили к роли жертв – собирали в тайные общества, финансировали, обучали пользованию модумами – среди погибших лишь небольшая часть имела магический дар.

Первые выводы, как это обычно бывает у псов государевых, недвусмысленно указали на след Османской империи, с коей у Третьего Рима всегда имелись внешнеполитические противоречия. Последующие же заставили в том усомниться и подумать в сторону Островного королевства Британия – также давнего противника. И наконец завершённое расследование со всей очевидностью продемонстрировало, что вину следует возложить на внутренних врагов. Тех, кто желал расшатать трон, разрушить империю и вернуться к укладу, когда Европа представляла из себя лоскутное одеяло из множества крохотных государств.

Одновременно с этим в Сенате произошло усиление позиций реформаторов – той как раз партии, которая выступала за федерализацию Третьего Рима и выбор самостоятельного пути для каждого Великого княжества. Их фракция весьма близко подошла к принятию нужного им законопроекта, и почти никто уже не сомневался в том, что в очередном чтении он будет принят большинством голосов.

Так бы и случилось, но тут отличились «семерки» и обнародовали факт заговора на самом высоком уровне. Его главой, как выяснилось, был Сигизмунд Олелькович – богатый и влиятельный аристократ из древнего рода правителей Литовского княжества. На допросах он подтвердил, что стоял за организацией Пражского Манифеста, а цель имел самую что ни на есть прямую – свержение императора и развал страны на княжества. За что и был казнен как изменник, а род его канул в Лету.

На том ищейки успокоились, считая, что справились с очередным кризисом. Но, как выяснилось, напрасно. На смену Пражскому Манифесту пришла Венская Весна.

Случилась она совсем недавно, в апреле этого года. Происшествие явно было спланировано теми же людьми, что стояли за Пражским Манифестом, поскольку отличалось размахом, отличной подготовкой и полным отсутствием ниточек, которые бы могли привести к организаторам. И Олельковичами уже нельзя было отговориться.

В ярмарочный день, когда в Вену съехались жители окрестных селений, по всему городу случилось массовое применение магии. Модифицированной сельскохозяйственной, которую применяли для ускоренного роста культурных растений. Насквозь мирной, направленной на получение больших урожаев даже там, где это не было предусмотрено Творцом. Превращенной в оружие, отвратительнее которого обыватели прежде не видели.

Законы мироздания обойти нельзя – если где-то что-то прибыло, то где-то и убыло. Чтобы получить быстрый рост плодовых деревьев или злаковых, приносилась жертва. Животное, чья жизненная сила перенаправлялась в растения. Мятежники, спланировавшие Венскую Весну, пошли еще дальше – они взяли виту человека. Пяти сотен горожан, если быть точным.

Их убили в одно и то же время. На мертвые тела бросили семя, а потом неустановленная группа магов – одному, какого бы ранга он ни был, такое повернуть явно было бы не под силу – активировала конструкт роста. Захваченная магией жизненная сила жертв устремилась в семена, и по Вене в один момент выросли пятьсот белых цветущих акаций. На каждой из которых висели свитки с Пражским Манифестом.

Имперская Канцелярия сбилась с ног, пытаясь по остаточным следам заклинания выйти на организаторов этой варварской акции. Развернулась настоящая охота на ведьм – семерки буквально под лупой изучали жизнь всех сколько-нибудь влиятельных семей из старых родов. В дополнение к этому высочайшим указом было велено срубить и сжечь все столь отвратительным способом выращенные деревья.

И вот тут-то вскрылось двойное дно замысла отступников – жители Вены единым фронтом выступили против приказа. Акации, которые в городе прежде не росли, стали для жителей памятниками в честь их жестоко убитых родственников и друзей.

Инертные в вопросах принятия решений чиновники из местных решили надавить и получили городской бунт, который пришлось гасить уже введением в Вену войск. Таким образом маги-отщепенцы, которых после Весны стали именовать не иначе как гатнерами⁸, добились своих целей даже не чудовищной «посадкой» деревьев, а бездумной деятельностью властей.

Эти происшествия были самыми громкими за последние годы, но имелись и менее значимые, не получившие такого широкого резонанса. В Венеции, например, произошло уже несколько убийств дождей из городского совета, известных своими проимперскими настроениями. В Брюсселе регулярно совершались нападения вандалов на памятники времен Очистительного похода, а Париж чуть ли не раз в месяц сообщал о возникновении массовых беспорядков, на которые активно шла городская беднота, изрядно там политизированная.

Другими словами, Третий Рим лихорадило. Внутренние противоречия между Великими княжествами усугублялись не всегда адекватным поведением властных структур. Претензии к трону росли подобно снежному кому, хорошо хоть, на границах имперская армия держала врагов в тонусе.

Поэтому-то граф фон Мольтке так гордился спокойствием в родной, немного сонной, но верной престолу Пруссии. И делал свое заявление таким тоном, словно лично руку приложил к настолько положительному состоянию дел.

Ян же политикой интересовался постольку-поскольку, отдавая ее на откуп более зрелым и опытным мужам. То есть следил, но от суждений и пристрастий воздерживался, не желая превращаться в подобие своего дяди Богдана, которого было хлебом не корми, дай порассуждать о непрямых связях между замыслами сил Преисподней с интригами власть имущих.

Поэтому на заявление графа юноша ответил неопределенным хмыканьем, которое, в зависимости от ситуации и настроения собеседника, можно было истолковать и как согласие, и как отрицание. Хельмут сделал выбор в пользу первого варианта. Но уловил при этом отстраненность собеседника, отчего пожелал наставить его на путь истинный.

– Вы еще молоды, маркиз. Вам еще кажется, что гатнеры или сановные вельможи никак не повлияют на вашу жизнь! В стороне тут не отсидеться, вот что я вам скажу. И даже больше. Признаюсь, до женитьбы и вступления в наследство я мыслил куда более реакционно. Даже, грешно вспомнить, состоял в тайном обществе *Freies Preußen*⁹! Тоже, знаете ли, грезил прошлым, как эти наши сенаторы из реформаторских фракций, ха-ха! Считал, что земля отцов должна быть свободной, а ее народ самостоятельно определять свое будущее. Естественно, желал и выхода родной страны из империи. Тогдашнего меня мало интересовало, что свободу Пруссия как раз получила из рук московского царя, а до него прислуживала, подумав только, Польше!

Ян снова со значением хмыкнул и, чтобы его собеседник точно не ошибся с реакцией, еще и кивнул. Мол, да-да, я того же мнения.

– Однако со временем я пересмотрел свои незрелые идеалы. И понял, что лучшее – враг хорошего. Чем была Пруссия до Очистительного Похода? Или даже до Валашской Геены? Грязным, мелким европейским государством, на землях которых дворянство имело меньше власти, чем католическое духовенство! Постоянная вражда друг с другом за клочок неплодородной земли, тяжбы в мирских и церковных судах, законы, что менялись чаще, чем понтифики в Ватикане! А теперь? Посмотрите, что мы имеем теперь!

⁸ Гатнер – от *Gärtner* (нем.) – садовник.

⁹ *Freies Preußen* – Свободная Пруссия.

И подвыпивший граф раскинул руки, приглашая собеседника оценить дорогие панели из полированного дерева, которыми были украшены стены кабинета, драпировку диванов и кресел, закаленное модумное стекло в окне. И, конечно же, парочку нескромного размера драгоценных камней в перстнях на его пальцах.

– Империя дала нам все это! А еще – стабильность, уважение соседей, развитую магию и сильнейшую в мире армию. Некогда по Ойкумене маршировали латиняне в гребенчатых шлемах, ныне же пришел наш черед! Я уверен, схожим образом мыслит всё прусское дворянство! Всё! Будь иначе, и в Кенигсберге имели бы место сатанинские события, подобные Пражским и Венским. Но нет! Здесь люди без страха выходят на прогулку и, смешно сказать, далеко не всегда запирают дома, покидая их! Мы здесь, знаете ли, дорожим империей!

– Совершенно с вами согласен, граф, – молодому человеку наконец оставили небольшую паузу для реплики, и он тут же ею воспользовался. – Империя превыше всего.

И не то чтобы он солгал. Ян считал себя патриотом, а в его крови было намешано столько народов, что никем, кроме имперца, он считать себя не мог. Но все же столь истовым подданным он себя не считал. Был верен присяге, почитал Господа и Его наместника на земле, коим является всякое начальство, но не более того. Эссены имели собственное предназначение.

– Как приятно видеть в молодом поколении столь правильный взгляд на мир! – возвестил фон Мольтке. После чего вновь наполнил бокалы виски и поднял свой в тосте. – За империю!

– За империю! – с надлежащим пылом отозвался юноша и без видимого отвращения влил в себя заморское пойло.

Продолжались их посиделки еще около часа, после чего Ян был наконец отпущен. В дверях он получил рекомендацию от главы дома, звучавшую как «весьма перспективный молодой человек с правильными патриотическими устремлениями». Супруга графа лишь кивнула, чуточку брезгливо поджимая тонкие губы, видимо, с ее точки зрения, патриотизм юного маркиза не стоил того, чтобы отказаться от служения интересам церкви.

Планировавший посетить за сегодняшний вечер Ян взглянул на хронометр – весьма дорогое приспособление, изготовленное в Берне, и взятое, как и большая часть украшений, из коллекции покойного фон Штумберга – и осознал, что сделать этого ему не удастся. Слишком много времени он потратил на визит к Мольтке, слишком долго слушал его разглагольствования о политике. Пришлось садиться в экипаж и отправляться домой.

Там он обнаружил вернувшихся Софию, Лизу и Никиту, увлеченно перебирающих обновки. А также незнакомую девушку, державшуюся чуть особняком и очень скованно.

Юноше хватило одного взгляда, чтобы просчитать ситуацию. Незнакомая девица одета довольно бедно, хотя видно, что за одежду она старалась держать опрятной. Держится ближе к Софии и в стороне ото всех. По сторонам смотрит с плохо скрываемым восхищением и толковой недоверчивости – мол, я правда нахожусь в таком роскошном месте? На Яна взгляд бросила испуганный – со всем остальными уже познакомилась и даже успела довериться, а этого смурного молодого человека видит в первый раз.

Вывод – София подобрала в лесу очередную зверушку. В смысле, не в лесу, а в городе, и не оставшегося без матери волчонка, а девушку своего возраста, попавшую в непростую ситуацию.

Поэтому, понимая все это, Ян постарался приветливо улыбнуться. Видимо, вышло не очень хорошо – незнакомка вздрогнула и сделала шаг назад. Не то чтобы он делал это редко или у него плохо выходило с проявлением эмоций. Скорее всего, думал о другом, вот и растянул губы в неживой улыбке, которая его лицо не красила совершенно.

– Ян! – тут его уже заметила и сестра. – Ты пугаешь нашу гостью!

Тут же, не давая никому сказать ни слова, София вывалила на него историю знакомства с Кристель Штайн¹⁰ – так звали незнакомку. И пока она говорила, Ян смог более подробно рассмотреть девушку.

Была она довольна миловидна – большие глаза на худеньком личике, тонкие черты лица, удивительно густые черные брови и того же цвета с легкой рыжиной волосы. Ростом чуть выше Софии, такая же угловатая, но если у сестры это было связано с переходным возрастом, то у гостыи – с явным недоеданием. Тонкие кисти она сжимала в кулачки, скорее всего, пряча натруженные, знакомые с грубой работой руки и не очень опрятные ногти.

– Она ищет родню, – говорила тем временем сестра. – Они точно отсюда, из Кенигсберга. Ее кормилица, женщина, которая ее воспитывала, умерла. Перед смертью сказала, что деньги на ее содержания выделяли родственники, но кто – говорить отказалась, мол, поклялась. Только парочку вещиц отдала. Когда отошла, у Кристель никого больше не осталось, а у девочки ее возраста и внешности выжить в деревне шансов немного. Поехала сюда в надежде найти близких, но пока не удалось. Я ее увидела, когда она брошь продавала меняле. Хорошая брошь – старое серебро с опалом, а жук этот ей всего пять солидов давал! И она бы взяла – деньги у нее уже кончились, только вещица эта и осталась.

София порой была потрясающе бесцеремонна. Рассказывала о Кристель так, словно та не стояла рядом и не слышала ни слова. Бедняжка от этого то краснела, то бледнела, то принималась теребить полог жакета.

– Ясно, – без выражения сказал Ян. – Она поживет у нас?

– Да!

– Хорошо. Ты уже распорядилась приготовить ей комнату?

– Я... – младшая сестра была настроена на долгий спор, в процессе которого она должна будет убедить своего брата принять несчастную девочку, а тот вдруг взял и сразу согласился. Все заготовленные аргументы пропали неиспользованными. – Еще нет...

– Так чего ждешь? Наша гостыя, вероятно, голодна, а ты даже не поставила кухню в известность о том, что им нужно накрывать на одно место больше.

– Сейчас!

София зачем-то схватила Кристель за руку и помчалась в сторону служебного крыла. Ян хотел было напомнить ей о шнуре над каминной полкой, который был связан с колокольчиком в помещении для слуг, но потом решил этого не делать. Не хочет головой работать, пусть ногами шевелит.

Против еще одного человека, фактически приживалы, если уж прямо говорить, Ян и правда несколько не возражал. В их положении это будет даже выгодно, появится история о том, как младшая сестра новоявленного маркиза занимается благотворительностью и ищет родственников несчастной сироты. Свет подобное любит – в смысле обсуждать в салонах. Да и образу наследников затворника это пойдет на пользу.

К тому же юноша знал, что спорить с сестрой, если уж она решила обрушить на кого-то добро, бессмысленно. Девчонка была жуткой максималисткой с ярко выраженными чертами насадки-опекунши. Раньше ее больше занимало зверье, теперь вот на людей переключилось.

«Да и помочь можно человеку, – под конец выступила та часть Яна, которая обычно голос не подавала, потому что была сострадательной и доброй. – В конце концов, зачем нужно столько денег, если их не пускать на добрые дела?»

«И выгодно!» – все-таки оставил за собой последнее слово рациональный пруссак.

¹⁰ Штайн – от немецкого Stein (камень). Фамилия может быть производной от деятельности родителя, например, каменщика, но чаще ее давали найденышам, бастардам в прибрежных районах Пруссии.

* * *

Глава 6. Виконтесса

По дядюшкиному мнению, поиски в Кенигсберге нужно было сворачивать. За прошедший неполный месяц – двадцать три дня от приезда Софии с командой – Эссены успели посетить всех сколько-нибудь значимых дворян города и даже кое-кого из живущих за его пределами. И никого похожего на химер, вроде Адама Олельковича, не нашли. Самое время было говорить о неудаче.

За это время свежеиспеченный маркиз сотоварищи даже начал готовиться к турниру, более того – ощутил нечто вроде желаний победить в нем. С присущей ему германской практичностью подумал – если все равно тратить время на подготовку, то зачем проигрывать? Тем более что дисциплины, по которым происходили соревнования, были ему близки и знакомы.

В турнире проверялись практические навыки будущих офицеров армии Третьего Рима. Причем не в личном зачете, а лишь в командном. Мало ли, вдруг ты один знаешь и умеешь все на свете? Армия – это не про умения одиночки. Поэтому важно было не то, как один человек пройдет испытание, но и вся группа. Ну и сами дисциплины были соответствующие. Например, ориентирование в лабиринте с сопутствующими помехами, конечно же, для определения развитой памяти (и, соответственно, умения строить сложные конструкты). Учебные стрельбы – прохождение стрелковых коридоров, в которых поражать мишени можно было только магией. Такие же, но уже с огнестрельным оружием – мало ли что ты одаренный? И командные схватки, позволяющие понять не только тактические, но и стратегические умения слушателей.

София с загонщиками тоже увлеклись предстоящими состязаниями, поэтому теперь каждое утро в поместье начиналось с изнурительных, но очень результативных тренировок.

И тут Коваль начинает намекать на отъезд.

– Еще есть кого проверить, – сказал Ян во время очередного сеанса связи с куратором. – Мы не бывали у фон Земена, у фон Штагена, фон Роа. Я уж не говорю о затворниках, вроде графа Мантайфеля, который...

– Ян, послушай... – попытался вклиниться Богдан.

– Да, я только и делаю, что тебя слушаю, дядя! Мне понятна твоя обеспокоенность, я знаю, как на тебя давят противники проекта, но времени прошло слишком мало! Самонадеянно рассчитывать, что удача улыбнется нам в первые же дни.

– Кое-кто считает, что я таким образом запустил руку в бюджет, который должен был отойти в казну империи. Ты же знаешь, что у маркиза не было родственников, и на его имущество претендовала казна? А тут я – смотрите, у меня есть план, всего-то и надо, что ввести в наследство моего племянника!

– Мы это уже обсуждали...

– А теперь не обсуждаем! Теперь, мой дорогой охотник, я хочу получить результаты! Хоть какие-то, которые позволят мне заткнуть самые говорливые рты в бюджетной комиссии. И времени на это у меня почти не осталось.

– Ты же не предлагаешь мне назначить кого-то виновным в содружестве с Адом на том лишь основании, что твоему начальству нужна жертва?

– Другой бы на твоём месте так и поступил.

– Сделаем вид, что ты этого не говорил, а я – не слышал. По существу еще есть что сказать?

Прозрачный лик Ковалья сложился в гримасу раздражения.

– Как с вам сложно, с Эссенами! – притворно засокрушался он. – Никакого тебе чиновничества!

– Просто дел еще очень много. – пожал плечами Ян. – Хотел лечь спать до полуночи. Послезавтра экзамены, да и к турниру нужно подготовиться.

- Если вы вообще будете в нем участвовать.
- Готовиться все равно надо.
- Ну да. Нет, больше ничего. Просто...
- Форсируй события, я понял. Не знаю, как это сделать, но сделаю.

После разговора юноша взялся за голову и задумался. Форсировать события! Как, позвольте спросить, это сделать? Начать ломиться в дома затворников, провоцировать на проявления негативных эмоций уже знакомых дворян и надеяться на то, что от кого-то из них вдруг шибанет Дыханием Скверны? Можно, конечно, и так поступить, но в случае неудачи он быстро превратится в парию, общения с которым будут всячески избегать.

А может быть, дядя и прав? Может, именно он, Ян, ошибался? Придумал план, казавшийся беспроегрышным, начал рыть землю и – ничего. Почти месяц безостановочных встреч с представителями благородных домов, дней, заполненных делами так плотно, что не всегда хватало времени поесть. К положительным результатам можно отнести лишь укрепление отношений с высшим светом Кенигсберга. Вот только они, в свете стоящей перед ним задачи, не являлись целью.

Так-то да, в городе молодого маркиза, богатого человека и завидного жениха привечали. Перед ним и его сестрой распахивались все двери, им расточались улыбки, посылали приглашения на дни рождения, крестины, выезды на природу и прочие мероприятия, из которых, казалось, состояла жизнь этой праздной живущей прослойки общества империи. С ними делились сплетнями, вот только ни одна поверенная – в основном Софией – тайна не вела к слугам Ада. Интрижки, казнокрадство и ссоры в благородных семействах не интересовали Восьмое отделение.

Таких же скромных результатов – то есть ровно никаких – София достигла в поисках родственников для своей опекаемой девицы. Ян с самого начала не особо верил в успех – отправной точкой поисков служили лишь простенькие украшения из серебра, оставленные бедняжке ее кормилицей. К сожалению, никаких гербов на них не имелось и оценщики не брались сказать, кому могли принадлежать вещи.

София, однако, не сдавалась. Она даже начала брать Кристель с собой в свет, представляя ее как компаньонку и воспитанницу. Звучало и выглядело это забавно, но с новообретенным состоянием Эссены могли не бояться показаться кому-то смешными.

Не унывала и сама Кристель, что, в общем-то, было очень даже понятно. Раньше она намеревалась вести свои поиски самостоятельно, опираясь лишь на скудные накопления, которые в городе закончились очень быстро. Теперь же она пребывала в безопасности, сытости и тепле, а всеми работами по поиску занималась одна крайне деятельная баронесса.

В качестве благодарности девушка старалась быть полезной хоть в чем-то. Она бы и работу прислуги на себя взяла, если бы ей на это указали. Однако София отчего-то вбила себе в голову, что ее компаньонка из дворян, и такого не позволяла. В итоге бедняжка старалась буквально предугадывать желания своей покровительницы, что в последние дни сестру Яна стало, кажется, немного раздражать.

Единственными, у кого дело сдвинулось с мертвой точки, были загонщики. Оба они, с разрывом всего лишь в несколько дней, взяли свой первый, после Оруженосца, ранг – Белого Рыцаря. Что было зафиксировано служителями местного Экзархата в соответствующих табелях. И здорово повысило шансы на победу в турнире четверки из Львовского Гимназия.

Тем более что Ян не учил их родовым конструктам, считая это чрезмерным и не очень нужным знанием. Общевоинских загонщикам вполне хватало, так что молодые люди сейчас сосредоточились на контроле и повышении скорости создания заклинаний.

От размышлений Яна отвлек стук в дверь. Он разрешил войти, и на пороге тут же возник управляющий имением.

– Не спите еще, ваша милость? – тут же уточнил Штепан Марек. Как всегда, он вел себя так, словно они с молодым дворянином были не коллегами, а господином и слугой. Что тоже было правдой, но...

– Нет. Что у тебя, Штепан?

А вот Яну пришлось научиться обращаться к человеку чуть не втрое старше себя по имени и на «ты». На этом настоял сам господин Марек, считавший, что так вести себя маркизу и богачу более естественно.

– Письмо, ваша милость, – на протянутом в сторону Яна серебрянном подносе лежал запечатанный конверт.

– От кого?

Юноша даже не обозначил намерения брать его. Он прекрасно знал, что управляющий вскрывает всю корреспонденцию, кроме той, что шла по линии Имперской канцелярии и предназначалась лично барону Эссену. Делал он это, однако, настолько профессионально, что, не скажи в свое время об этом сам: «Вопросы безопасности, ваша милость, вы должны это понимать», – Ян бы никогда и не заподозрил слугу.

– Герб дома Брандербург¹¹, ваша милость. – Поднос был поставлен к самому лицу Яна. – Я не вскрывал.

Молодой человек хмыкнул, потянулся за ножом для бумаг и вскрыл письмо. Пробежал глазами пару абзацев изящно выписанного текста, еще раз хмыкнул и протянул листок управляющему.

– О, ваша милость! Вас приглашают ко двору! Такая честь!

– Причем приглашают не одного, а с сестрой и ее компаньонкой. Это отдельно написано. Странно как-то.

Ранее поступавшие приглашения от других дворянских домов никоим образом не упоминали Кристель Штайн. Звали Яна, звали Софию, компаньонку же дворяне имели право брать или не брать. Много чести упоминать безродную девицу!

– Думаю, ваша милость, вы ошибаетесь. Исходи приглашение от любого другого рода, упоминать госпожу Штайн было бы неправильно. Вас же зовут во дворец курфюрста, а там меры безопасности куда серьезнее. Сколько указано в пригласительном письме человек, столько и пропустят.

– И ты считаешь, что раз весь свет прознал, что София всюду таскается с Кристель, то и на прием к курфюрсту ее возьмет?

– Если позволите, баронесса Эссен могла бы так поступить.

Тут Ян был вынужден признать правоту управляющего. Непосредственности Софии хватило бы на такой поступок. А потом еще и наглости на ругань с дворцовой охраной, когда ее подружку не пропустили бы вместе с ней.

– Ладно. Вечер двенадцатого августа... Это же послезавтра уже?

– Совершенно верно.

– Проклятые Герцоги, как специально! Экзамены ведь в тот же день!

– Думаю, вы справитесь, ваша милость, – без тени сомнения, но с отчетливым оттенком злорадства произнес Штепан Марек, после чего, поклонившись, вышел.

И он оказался прав. Потратив весь следующий день на подготовку, Ян сдал последние экзамены и окончательно покончил со вторым курсом Гимназия. А вечером в сопровождении двух девиц подъехал ко дворцу Великого князя Прусского.

Прием был протокольный, то есть не посвященный какому-то конкретному событию, вроде вывода в свет девицы из рода Брандербург или тезоименитства самого курфюрста, а ежемесячный. Традиция или обычай, которым Великий князь пользовался, чтобы продемонстри-

¹¹ Бранденбург – правящий дом Великого княжества Прусского.

ровать прусскому дворянству расстановку сил при дворе. Приглашен, стало быть, его светлость благоволил роду. Усажен в числе двух десятков гостей за монарший стол – в фаворе. Не получил приглашения, ну что ж, вспоминая, где и что сделал не так, а заодно и к отставке готовься.

Эссены, точнее, маркиз Штумберг и баронесса Эссен с компаньонкой, получили «обычные» приглашения. Что говорило о том, что нового подданного заметили, измерили и взвесили, решили приблизить, но не слишком, а лишь чтобы посмотреть, чем этот новый в княжестве человек является. Разумеется, нечего было и думать о том, чтобы в первый же прием попасть в список тех, кто на ужине сядет за один стол с курфюрстом и его семьей. Да и Ян, признаться, этого не особенно желал.

Его вполне устроило само участие в мероприятии, на котором соберется большинство дворянских родов. Многие, конечно же, будут без детей – а именно те интересовали охотника в первую очередь, – но зато можно будет познакомиться в непринужденной обстановке с их родителями и при необходимости напроситься в гости.

На входе во дворец гостей встречали слуги и представители местного отделения «семерки». Первые сообщали пришедшим их места за общими столами, которые накроют после легких закусок и напитков, вторые же проверяли на предмет скрытого оружия и модулов. Ян, пользуясь статусом марочного барона, мог бы пройти внутрь со шпагой, была у его рода и такая привилегия. Однако делать этого он не стал. Понятно, что многим было известно, что юноша не просто наследник затворника-скупердяя, но еще и кровь от крови охотников на демонов. Однако большинство из них вполне себе приняли на веру рассказ маркиза о том, что на самом деле это больше титул, нежели стиль жизни. А если так – зачем всем демонстрировать имеющиеся возможности? Начнут еще опасаться. Особенно те, у кого на то имелись причины.

Внутреннее убранство дворца, как и его фасад, Яна не впечатлил. Сестра что-то щебетала про неоготический стиль, про мраморный пол, люстры эпохи семнадцатого века и китайские вазы, которым по самым скромным подсчетам перевалило за тысячу лет. Юноша же смотрел на людей. Улыбаясь, приветливо кивая и холодно раскладывая их по полочкам.

Вот мимо прошли сухопарый мужчина с супругой – пивным бочонком в розовом атласе. Им кивок и тщательно отмеренный поклон – род Боэр не слишком древний, да и сами они не очень богаты. Но люди приятные, особенно супруга, болтушка и сплетница, благодаря которой Ян узнал очень много малозначительных, но все же важных деталей о жизни здешнего общества.

А вот в адрес Кранцев улыбок расточать не стоило. С главой этого семейства Эссен не сошелся по причине его крайней желчности и завистливости, прячущейся за маской угодливости. Кивок, но без поклона.

Графа же Мантайфеля, которому Ян еще не был представлен, он заметил издали – тот только вошел в зал. Полноватый мужчина с упрямым подбородком держался особняком от большинства гостей, стоя в компании девушки лет шестнадцати.

«Ну, не все тебе от меня бегать!» – с торжеством подумал маркиз, выстраивая маршрут движения так, чтобы через несколько минут оказаться рядом.

Граф был одним из немногих, с кем Ян так и не встретился за все это время. А очень хотелось – вдовец и затворник имел дочь подходящего возраста. Видимо, именно она держалась сейчас за его локоть.

Юноша вскользь мазнул по лицу девицы взглядом, больше полагаясь на тайный дар Эссенов. Понятно, что от химер далеко не всегда разило Скверной, да и на таком расстоянии сложно было что-то почувствовать, но вдруг? Неожиданности не произошло, но уже пару секунд спустя Ян снова повернулся в сторону девушки. Не сразу, но он понял, что смотрит на почти точную копию Кристель Штайн. Одетую в богатое платье, с драгоценностями на шее, с более нежной кожей лица, но Кристель. Осознав это, он тут же отвел взгляд.

София, чуть позже брата заметившая это явное сходство, вскинулась, но не успела ничего сказать. Ян сжал ей локоть и взглядом приказал молчать. А позже, снова сменив маршрут так, чтобы точно не встретиться с фон Мантайфелем, еще и добавил, склонившись к уху.

– Уводи Кристель куда угодно, но чтобы она и графская дочь за вечер друг друга не могли увидеть!

– Ты с ума сошел, братик? – прошипела в ответ девочка. – Это же!..

– Именно поэтому! Соф, не будь душой. Прием у курфюрста. Мы приглашены. В приглашение вписана твоя компаньонка, девица Кристель Штайн. И тут мы случайно встречаемся с дочерью графа, которая с твоей воспитанницей на одно лицо. Представляешь, какой будет скандал?

– Но она же!..

– Закончили обсуждение. Это не случайность. Кто-то проделал определенную работу, чтобы в один вечер здесь оказались и мы, и граф фон Мантайфель с дочерью. И я далек от мысли, что этот кто-то задумал счастливое воссоединение семьи!

– А что, если как раз это он и задумал? Нельзя быть таким параноиком!

На шепчущихся брата и сестру уже начали обращать внимание. Пока не слишком пристальное, просто добродушно и снисходительно посмеиваясь – молодежь, дескать, совершенно не умеет себя вести, но ведь мы и сами были такими, верно?

– Серьезно? Нельзя?

Ян без отрыва смотрел сестре в глаза. До тех пор пока она наконец не фыркнула и не произнесла:

– Ну хорошо! Убедил!

После чего, подхватив ничего не понимающую Кристель под руку, потащила ее в противоположный от Мантайфелей конец зала. Ян же выдохнул и в одиночестве направился к графу. Но не дошел до него, заметив по пути Хельмута фон Мольтке с женой, возле которых и остановился.

– Добрый вечер, граф. Графиня, – поклонился он, приветствуя обоих с улыбкой.

– Маркиз! Какая приятная неожиданность! Хотя о чем это я! Курфюрст был просто обязан пригласить на прием такого верного патриота, как вы!

Супруга графа лишь поджала губы и кивнула юноше. Ему, впрочем, было наплевать – нуждался он в графе, а не в ней.

– Я, кажется, вижу здесь графа фон Мантайфеля? – произнес он через пару минут болтовни ни о чем. – Говорят, он жуткий затворник и редко покидает свое загородное имение?

– Ха, так старина Вернер так и не приглашал вас для знакомства? – фон Мольтке понял вопрос совершенно правильно. – Как это на него похоже! Что ж, предлагаю исправить эту оплошность! Я немедленно представлю вас ему. Дорогая. Поскучай минутку, я вскоре вернусь.

Не тратя больше времени, Хельмут фон Мольтке устремился к графу Мантайфелю с дочерью, не забыв, удалившись на безопасное расстояние от супруги, цапнуть бокал с подноса проходящего мимо слуги.

– Приемы у курфюрста славятся замечательными винами! – подмигнув Яну, сказал он.

Вскоре фон Мольтке уже раскланивался с фон Мантайфелем, представляя последнему «замечательного и весьма правильно воспитанного молодого человека».

– Граф Вернер фон Мантайфель, – под конец своей речи произнес он. – Его очаровательная дочь виконтесса Кристин фон Кёниг.

Ян тут же поклонился, начал было говорить что-то из обязательного при представлении, однако сбился, почувствовав спиной Дыхание Скверны.

Глава 7. Cui bono¹²

Не чувствуя прямой угрозы, Ян не стал спешить оборачиваться и искать того, кто смердел Геенной. Обменялся кивками с графом Мантайфелем, приложился к узкому, затянутому в шелк запястью его дочери, отступил на шаг и лишь после этого с деланой рассеянностью огляделся. Почти сразу столкнувшись взглядом с молодым человеком в мундире кавалерийского опциона. Тот смотрел на барона с нескрываемой ненавистью.

Ян поднял бровь, мол, а мы вообще знакомы, чтобы я вызывал у вас такие сильные эмоции? Получил в ответ выдаваемый за улыбку оскал и стал наблюдать, как незнакомец чуть ли не строевым шагом движется к нему, даже не пытаясь оглянуть фланирующих по залу гостей. Последние сами убирались с его пути – большинство молча и с отчетливым испугом, некоторые же ворча и бросая гневные взгляды.

– Совсем запамятовал, – за спиной охотника прозвучал голос Хельмута фон Мольтке. – Этот молодой офицер считает юную Кристин своей невестой. Зовут его Ульрих Вильгельм Бернхард, барон фон Гербер. Что забавно – на подобное мнение этот юноша не имеет никакого права. Они с виконтессой даже не помолвлены!

Дом Герберов Ян помнил. Мелкий провинциальный род, который секретарь, получивший четкие инструкции по подбору интересующих его господина семей, даже не рассматривал. Ни денег, ни влияния, ни связей – служаки в пятом, кажется, поколении, получившие баронский титул с крохотным клочком земли на очередной войне.

С учетом этого, молодой офицер действительно не мог рассчитывать на брак с дочерью старого аристократа. Ему бы лучше смотреть в сторону купеческих дочек – мезальянсом это ему не грозило, зато позволяло получить хорошее приданое. Он же нацелился на виконтессу. Да еще так решительно, готовясь, судя по его виду, устроить на приеме Великого князя скандал.

– С слову, он довольно известный бретер, – сообщил фон Мольтке, считавший, видимо, себя виноватым в создании условий для конфликта. – Неплохой фехтовальщик.

Ян, не отводя взгляда от приближающегося барона Гербера, краем глаза наблюдал за виконтессой и ее отцом. Последний, похоже, еще не заметил надвигающегося скандала, а вот его дочь, не отрываясь, смотрела на офицера. Со страхом.

«Что ж, это все облегчает!» – подумал Эссен и ускорила встречу, сделав пару шагов навстречу кавалеристу.

– Вы, кажется, что-то хотели сказать, опцион? – произнес он, останавливаясь и глядя на офицера.

Тот тоже замер. Его неподвижность была обманчивой, как у змеи перед броском. На всякий случай Ян сместил вес на левую ногу – кто знает, что на уме у этого вояки? Еще устроит драку во дворце курфюрста. Меньше, чем участвовать в ней, Яну хотелось быть при этом битым.

Правда, чтобы начать ее, нужен был хоть какой-нибудь заваливающий повод, все-таки не простолоюдины тут собрались, чтобы за косою взгляд морды бить. Однако фон Гербер не думал утруждать себя поиском такового. Почти не разжимая зубов, он отчеканил:

– Вы мерзавец, маркиз фон Штумберг! Проныра, обманом присвоивший себе чужое наследство! Я вызываю вас!

И формальный повод убить наглеца и, скорее всего, химеру у Эссена появился – его оскорбили. Другое дело, что по всем правилам он еще мог отказаться от драки, чего, понятно, делать этого не собирался. Но чем думал этот опцион? И на что он вообще рассчитывал? Что хлыщ, за которого себя не без успеха выдавал Ян, сразу же согласится на дуэль?

¹² Cui bono (лат.) – кому выгодно

Зачем схватка ему, Эссену, понятно – от офицера ощутимо несло Скверной. А вот самому бретеру это на кой? Их пути ни разу не пересекались, Ян не оскорбил его ни словом, ни действием – не считать же за подобное поцелуй руки его предполагаемой дамы сердца?

– Вы получите свое удовлетворение, опцион. Не очень, правда, понимаю, чем вызвано ваше недовольство, но пусть так, – негромко ответил он. Протянул бледному от сдерживаемого гнева офицеру карточку. – Отправьте своих секундентов по этому адресу, пусть обсудят детали. Всего доброго.

Кивнув забияке, Ян развернулся, намереваясь встретиться с сестрой, но был остановлен виконтессой фон Кёниг.

– Маркиз, простите, это произошло из-за меня! – нервно переплетая пальцы, сообщила она. – Ульрих с детства влюблен в меня, но такого прежде себе не позволял. Будьте к нему снисходительны!

«В каком смысле? – хотелось спросить юноше. – Дать ему убить себя на дуэли? Или не принимать вызов?»

Вслух же он сказал совсем иное.

– Здесь нет вашей вины, виконтесса фон Кёниг. Если позволите, мы поговорим об этом позже... – тут он выразительно посмотрел на ее отца. Последний понял все правильно и кивнул.

– Мы будем рады видеть вас в нашем имении, маркиз. В любое время. Надеюсь, хоть так нам удастся загладить вину за этот... – граф покрутил пальцами, подбирая подходящее слово. – Конфуз.

– С радостью принимаю ваше предложение, – поклонился Ян. – А теперь прошу меня простить, мне нужно идти.

Эссены пробыли на приеме еще около полутора часов, все это время стараясь находиться подальше от семейства Мантайфель. Помогло то, что как раз начали подавать ужин и гости устремились к столам, а не бродили по залу. Ян после первой же перемены блюд велел своим собираться, после чего незаметно увел их к выходу. Цели визита он посчитал выполненными. В отличие от Софии.

В ландо в присутствии Кристель они ни о чем не говорили, но, вернувшись домой, София тут же напустилась на старшего брата.

– Рассказывай! Что там с этим солдафоном? Чего он на тебя взелся? Правда, что ли, с ума сошел от любви к виконтессе?

– Он одержимый. Точнее, химера, – выдал Ян.

София была далеко от места их стычки и Дыхания Скверны не ощущала.

– Химера, влюбленная в виконтессу, – протянула девочка. – Просто потрясающе. И сам полез в дуэль?

– Я его даже не провоцировал.

– Странно как-то. Зачем?

– Меня спрашиваешь? Но дареному коню в зубы не смотрят. Выброс Скверны произошел как раз потому, что опцион был в гневе. А злиться начал, когда увидел меня с Кристин. Возможно, сработала некая собственническая черта характера. Помнишь, как у Адама?

София хмыкнула. Она отлично помнила, как Ян сводил Олельковича с ума, гуляя с его бывшей подружкой. Правда, в итоге оказалось, что сам Адам позволял всем в это верить, а на самом деле использовал ревность как повод. Как бы и тут так не оказалось.

– Может быть, – ответил на это Ян. – Не знаю. Мы ничего не знаем про химер. Общаются они между собой, передают ли друг другу какую-то информацию? Напомню, мы были уверены, что Герцоги используют только детей из влиятельных и богатых семей, а армейский опцион ни по возрасту не подходит, ни по положению. Так что...

Здесь юноша развел руками, показывая, что ситуация для него настолько же непонятная, как и для сестры. Еще немного поговорив с ней на данную тему – в основном о том, что вызов

может быть ловушкой, да и вообще демонические химеры уже прекрасно знают, что Эссены охотятся на них, и таким вот топорным образом желают его устранить, Ян был вынужден переключиться на проблемы Кристель Штайн.

– Нужно действовать очень аккуратно, – сказал он Софии, когда та, как и ожидалось, подняла вопрос своей «компаньонки». – Внешнее сходство, конечно, поразительное. Я почти уверен в том, что виконтесса Кристин и твоя воспитанница сестры-близнецы...

– Почти? – возмутилась младшая сестра. – Почти? Да они одно лицо! Это даже обсуждать нечего. Я, кстати, до сих пор уверена, что нужно ехать к этому графу и говорить, что мы нашли его потерянную дочь!

Ян хмыкнул, но спорить с девочкой не стал. Она была умной и со временем сама должна была дойти до простых вещей. Вроде таких, что сами по себе близняшки не разлучаются. И потом пропавшие не живут в деревне, особенно если принадлежат к богатому роду. Не факт, конечно, но ведь и сам отец мог приложить руку к их разлучению. То-то будет смеху, когда Эссены приведут к нему ту, от которой он желал избавиться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.